DK 754
.P44

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

Z-K 754

ПУТЕШЕСТВІЕ
АКАДЕМИКА НИКОЛАЯ ЮСИФА ДЕЛИЛЯ
ВЪ
БЕРЕЗОВЪ
въ 1740 году.

Академика П. Пекарскаго.

Со снимками видовъ Березова, рисованныхъ въ 1740 году.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ VI-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 3.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1865.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

А. Базунова, въ С. П. Б. Эггерса и Комп., въ С. П. Б.
И. Глазунова, въ С. П. Б. И. Базунова, въ Москвѣ.
Энфянджанца и Комп., въ Тифлисѣ.

Цѣна 50 коп.

Pekarskiĭ, Petr Petrovich
Puteshestvie akademika Nikolaia Iosifa Delilia v Berezov v 1740 godu

ПУТЕШЕСТВІЕ АКАДЕМИКА НИКОЛАЯ ЮСИФА ДЕЛИЛЯ ВЪ БЕРЕЗОВЪ ВЪ 1740 ГОДУ.

Академика П. Пекарскаго.

Со снимками видовъ Березова, рисованныхъ въ 1740 году.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ VI-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 3.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1865.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:
А. Базунова, въ С. П. Б. Эггерса и Комп., въ С. П. Б.
И. Глазунова, въ С. П. Б. И. Базунова, въ Москвѣ.
Энфянджанца и Комп., въ Тифлисѣ.

Цѣна 50 коп.

DK 754
.P44

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, 30 Января 1865 года.

Непремѣнный Секретарь Академіи *К. Веселовскій.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

22 2 Дс 74

ПУТЕШЕСТВІЕ

АКАДЕМИКА НИКОЛАЯ ІОСИФА ДЕЛИЛЯ ВЪ БЕРЕЗОВЪ

въ 1740 году.

АКАДЕМИКА П. ПЕКАРСКАГО.

Въ 1740 году, первый въ Россіи астрономъ, академикъ Николай Іосифъ Делиль, ѣздилъ, для наблюденія прохожденія Меркурія чрезъ солнце, въ Березовъ, извѣстный въ тогдашнее время только потому, что считался отдаленнѣйшимъ изъ населенныхъ мѣстъ въ Сибири, куда ссылались разныя историческія личности, въ родѣ князей Меншикова, Долгорукихъ, гр. Остермана. Замѣчательно, что объ этомъ путешествіи Делиля въ самой Академіи сохранилось очень немного извѣстій, что̀ объясняется тѣмъ во-первыхъ, что главная цѣль путешествія — прохожденіе Меркурія чрезъ солнце — нашему астроному не удалась за облачною погодою, а во-вторыхъ, онъ, какъ и бо̀льшая часть академиковъ его времени, былъ въ разладѣ съ извѣстнымъ въ исторіи нашей Академіи Шумахеромъ и, нѣсколько лѣтъ послѣ возвращенія своего изъ Березова, даже вовсе не посѣщалъ академическихъ конференцій.

1 февраля 1740 г. Делиль представилъ Академіи записку, въ которой, объяснивъ о важности наблюденія надъ прохожденіемъ Меркурія чрезъ солнце, доказывалъ, что это явленіе въ апрѣлѣ 1740 г. не могло быть видимо въ Европѣ, за исключеніемъ развѣ Вардгуса (Wardhus) на окраинѣ датской Лапландіи, гдѣ представлялась возможность видѣть его въ продолженіе получаса послѣ восхожденія солнца; въ Колѣ и Архангельскѣ оно должно было продолжаться не болѣе четверти часа послѣ

солнечнаго восхода; но, при бо̀льшемъ удаленіи къ Востоку, можно было долѣе наблюдать сказанное явленіе. Въ Обдорскѣ, около устья р. Оби, прохожденіе Меркурія чрезъ солнце имѣло продолжаться болѣе двухъ часовъ, а на землѣ вообще должно было длиться немного болѣе трехъ часовъ, такъ-что если бы была возможность проникнуть далѣе на Сѣверо-Востокъ, то тамъ оно было бы видимо во все продолженіе его. Делиль и предлагалъ Академіи предпринять путешествіе для означенной цѣли, тѣмъ болѣе, что въ Россіи пути сообщенія зимою очень удобны (*); но онъ предвидѣлъ также возможность неудачи главной цѣли далекой поѣздки, когда небо въ день прохожденія Меркурія, именно 21-го апрѣля (ст. ст.), было бы покрыто тучами, а потому представлялъ Академіи о томъ, что можно было бы совершить предположенное путешествіе къ Сѣверному Океану на пользу географіи и физики.

При Императрицѣ Аннѣ, адмиралтейская коллегія предпринимала развѣдки сѣверныхъ береговъ отъ Архангельска до устьевъ главныхъ рѣкъ, впадающихъ въ Сѣверный Океанъ, именно Печоры, Оби и Енисея, включая сюда сопредѣльные съ ними острова Вайгачъ, Новую Землю и др., съ цѣлью удостовѣриться въ возможности пути изъ Европы въ Азію чрезъ Сѣверный Океанъ. Эти развѣдки доставили адмиралтейской коллегіи много записокъ и картъ тѣхъ краевъ; но онѣ составлялись морскими офицерами, у которыхъ не имѣлось тогда средствъ для произведенія достаточно вѣрныхъ наблюденій. Въ предположенное путешествіе представлялся случай провѣрить все, что было въ этомъ отношеніи произведено на берегахъ Сѣвернаго Океана. Для достиженія этого, Делиль предлагалъ взять въ путешествіе всѣ вновь составленныя карты, копіи съ морскихъ журналовъ и проч., также отправить нѣсколькихъ способныхъ изъ морскихъ офицеровъ, бывавшихъ уже въ подобныхъ поѣздкахъ, и геодезистовъ съ ихъ инструментами. Изъ послѣднихъ онъ указывалъ на присланныхъ въ Академію

(*) Ср. въ академическомъ архивѣ: Extrait du mémoire lu à l'Académie des sciences le 1 Février 1740 sur le passage de Mercure sur le Soleil qui doit arriver le 21 Avril 1740 invisible en Europe et qu'il seroit très utile d'observer à Obdorsky vers l'embouchure de l'Oby (подписано Делилемъ).

Наукъ Моисея Сметева и Семена Чичагова, пріобрѣвшихъ уже достаточныя свѣдѣнія въ геодезіи и имѣвшихъ крѣпкое тѣлосложеніе, чтобы выдержать такое трудное и далекое странствіе. При этомъ Делиль представлялъ о необходимости взять съ собою академическаго студента Кёнигсфельда, который былъ опытенъ въ астрономическихъ наблюденіяхъ и изчисленіяхъ, и Трускота, бывшаго въ состояніи помогать ему въ черченіи и геометрическихъ работахъ. Такъ какъ академики, за семь лѣтъ передъ тѣмъ посланные въ сибирскую ученую экспедицію, Гмелинъ, Миллеръ и Людовикъ де ла Кройеръ, не достигли береговъ Сѣвернаго Океана, то Делиль находилъ полезнымъ производить тамъ точныя наблюденія надъ склоненіями магнитной стрѣлки, о тяжести и теплотѣ воздуха, о вѣтрахъ, морскихъ приливахъ и отливахъ, также оставить въ значительнѣйшихъ мѣстахъ термометры и барометры для людей, способныхъ продолжать подобныя наблюденія (*).

Академія представляла о поѣздкѣ Делиля въ Императорскій Кабинетъ согласно желанію астронома. Перемѣна сдѣлана была только та, что вмѣсто Трускота положено было отправить Михаила Грёнинга, который также занимался при Делилѣ астрономическими наблюденіями. «Сего февраля 19 дня нынѣшняго 740 года, писала Академія Наукъ въ Кабинетъ, представилъ профессоръ Делиль о теченіи планеты Меркурія въ солнце, которое должно быть въ 21 числѣ мѣсяца апрѣля сего году, а въ Европѣ видимо не будетъ; а по усмотрѣнію его для астрономическаго дѣла надлежитъ ему ѣхать и то усмотрѣть въ Обдорскомъ при устьѣ Оби рѣки.... А объ ономъ дѣлѣ Академія разсуждаетъ, что оное для астрономіи и географіи весьма куріозно и потребно.»

Два дня спустя послѣ подачи этого доношенія, 26 февраля, въ Императорскомъ Кабинетѣ состоялось слѣдующее постановленіе, подписанное министрами гр. Остерманомъ, кн. Черкасскимъ и Артемьемъ Волынскимъ:

(*) Ср. въ академическомъ архивѣ: Mémoire particulier de ce qui se peut faire pour la Géographie et la Physique dans le voyage proposé aux côtes de la Mer Septentrionale (подписано Делилемъ).

«По сему доношенію вышепомянутаго профессора Делиля для объявленнаго имъ астрономическаго дѣла въ Обдорскъ къ Оби рѣкѣ, давъ ему двухъ человѣкъ солдатъ, отправить, и съ нимъ, Делилемъ, по требованію его, послать за толмача обрѣтающагося при немъ Михаила Грёнинга да ученика физики и оптики Матиса Андриса; и еще отправить съ нимъ отъ адмиралтейской коллегіи изъ русскихъ учителя Салтанова и при немъ изъ учениковъ, которые довольно знаютъ астрономію человѣка три или четыре. А буде таковыхъ знающихъ учениковъ не имѣется, то дать толикое жъ число изъ мичмановъ или изъ другихъ чиновъ, кого за способна признаетъ оный Салтановъ и оная коллегія за потребно разсудитъ. А на прогоны и на путевые расходы означеннымъ Делилю и Салтанову со обрѣтающимися при нихъ велѣно выдать изъ штатсъ-конторы тысячу рублевъ; да сверхъ того, оному Делилю дать изъ десіансъ Академіи жалованья на полъгода. А вышепоказаннымъ посылающимся съ нимъ Грёнингу и Андрису на годъ жалованья не въ зачетъ. А чтобъ въ проѣздѣ имъ, Делилю и Салтанову, со обрѣтающимися при нихъ до вышеозначеннаго мѣста и въ бытность ихъ тамо, такожъ и по возвращеніи до Санктъпитербурха, чинено было надлежащее вспоможеніе, о томъ имъ данъ отверстой (листъ)».... (*).

Съ Делилемъ было отправлено въ путешествіе 18 человѣкъ; при этомъ взято столько инструментовъ, что они, по словамъ В. Я. Струве, составляли цѣлую обсерваторію (**).

Подробности о путешествіи Делиля сдѣлались извѣстными заграничной публикѣ тридцать девять лѣтъ спустя послѣ поѣзд-

(*) Ср. дѣла академической канцеляріи за 1740 г., книга № 50.

(**) Вотъ описаніе ихъ, сдѣланное самимъ Делилемъ (въ дѣлахъ академической канцеляріи за 1740 г. кн. № 50):

1) Un moyen quart de cercle pris de l'observatoire.

2) Une lunette catadioptrique des 5 pieds qui appartient à Mr De l'Isle.

3) Une lunette de Campani de 15 pieds qui appartient à Mr De l'Isle.

4) Deux pendules prises de l'observatoire les plus propres pour les voyages.

5) Un instrument pour observer les passages du soleil et de la lune par méridien etc. dont Mr De l'Isle souhaite d'établir l'usage dans de pareils voyages qui appartient à Mr le Grand Maréchal (т. е. графу Левенвольду младшему), qui veut bien le prêter, en attendant qu'on en fasse venir un autre d'Angleterre par les premiers vaisseaux.

6) Une lunette particulière de 5 ou 6 pieds préparée pour observer la situation de Mercure sur le soleil que Mr De l'Isle fournira des siennes.

7) Plusieurs ajustements, boetes et emballage que l'on fera faire à l'Académie.

ки академика въ Сибирь. Въ XXIV томѣ Histoire générale des voyages (Амстердамъ 1779 г., стр. 500 и слѣд.) напечатано было по рукописи, какъ сказано въ предисловіи, Делиля, поступившей вмѣстѣ съ его библіотекою во французскій морской архивъ (Dépôt de la marine).: «Extrait d'un voyage fait en 1740 à Berezow en Sibérie aux depens de la Cour Impériale par Mr De l'Isle, doyen de l'Académie Royale des Sciences, alors professeur d'Astronomie à l'Académie de Pétérsbourg, pour y observer le passage de Mercure sur le disque du soleil et du journal de M. Koenigsfeld, qui l'accompagnoit». Отсюда-то было сдѣлано В. Берхомъ, безъ указанія источника, чрезвычайно краткое и неполное извлеченіе, которое помѣщено въ журналѣ А. Воейкова и В. Козловскаго «Новости Литературы» 1823 года (кн. IV, №№ XIV, стр. 1, XV, стр. 17 и XVI, стр. 33) подъ заглавіемъ: «Путешествіе астронома Делиля и профессора (sic) Кёнигсфельда изъ Петербурга въ Березовъ». Въ томъ же 1823 г., при № 71 Русскаго Инвалида, который издавалъ тогда А. Воейковъ же, приложена, безъ всякихъ объясненій, литографія съ подписью «Видъ Березовскаго острова (sic) съ церковью кн. Меншикова и соборною церковью, снятый съ берега р. Сосвы». Эта литографія есть ничто иное, какъ плохая копія съ одной изъ гравюръ, приложенныхъ къ помянутому выше XXIV тому Histoire générale des voyages. Наконецъ, въ 1849 г. кн. И. А. Долгоруковъ принесъ въ даръ Географическому Обществу неизвѣстно, какимъ образомъ ему доставшуюся рукопись «Voyage de Koenigsfels et Delil à Bérésof», которая подробно описана покойнымъ В. Я. Струве въ Запискахъ сейчасъ названнаго Общества 1849 года, книжка III, стр. 50—67. Отсюда видно, что рукопись эта, составлявшая нѣкогда часть бумагъ Делиля, которыя принадлежатъ нынѣ французскому морскому архиву, заключаетъ въ себѣ дневникъ Кёнигсфельда, переведенный съ нѣмецкаго и переписанный Делилемъ, а также переписку, которую велъ этотъ ученый въ поѣздку свою по Сибири съ женою и разными лицами. При сравненіи французскаго извлеченія въ Histoire générale des voyages съ принадлежащею Географическому Обществу рукописью, легко примѣтить, что первое сдѣлано изъ

послѣдней такимъ образомъ, что въ началѣ къ выпискамъ изъ писемъ Делиля къ женѣ прибавлены нѣкоторыя подробности изъ дневника Кёнигсфельда и на оборотъ, а къ концу бо̀льшая часть французской статьи заимствована исключительно изъ переписанныхъ Делилемъ замѣтокъ Кёнигсфельда, при чемъ опущены любопытныя подробности, которыя встрѣчаются въ письмахъ Делиля къ женѣ, Волынскому, Остерману, Гроссу и касаются исторіи наукъ и современной жизни въ Россіи (*). Рукопись имѣетъ также то преимущество предъ печатнымъ извлеченіемъ, что въ ней сохранились (хотя не всѣ) подлинные рисунки, которые въ Histoire générale des voyages исполнены съ прикрасами и по ошибкѣ выгравированы всѣ наоборотъ, т. е. что въ подлинникѣ было на лѣвой сторонѣ, то въ гравюрѣ вышло на правой и проч.

Делиль съ своими спутниками выѣхалъ изъ Петербурга 28 февраля. По дорогѣ къ Москвѣ, астрономъ удивлялся крѣпости и неутомимости русскихъ ямскихъ лошадей. На видъ онѣ казались измученными и, кажется, были не въ состояніи подвинуть съ мѣста тяжелыя сани, а между тѣмъ весь длинный переѣздъ бѣжали вскачь, безъ отдыха, не останавливаясь ни для корма, ни для питья. Ямщики цѣлую дорогу вели длинные разговоры съ своими лошадьми, то очень дружески, то приправляя увѣщанія сильными ударами кнута или просто палки. Приключеній особенныхъ до Москвы не было. Только разъ сани, въ которыхъ везли казенныя деньги, отстали. Путешественники думали, что ихъ отбили въ небольшомъ лѣсу близъ Новгорода; однако отставшія сани подъѣхали, и дѣло кончилось нѣсколькими палочными ударами, которыми наградилъ маіоръ Салта-

---

(*) Въ письмѣ Делиля къ женѣ, изъ Березова 22 мая (нов. ст.) 1740 г., сохранившемся къ сожалѣнію не вполнѣ въ рукописи (см. стр. 235 — 341), при описаніи своего путешествія, астрономъ прибавляетъ: cela me servira à en conserver la mémoire, n'ayant pu rien mettre par écrit, tant parce que je ne m'étois pas proposé d'en faire une relation, que parceque quand j'aurois eu ce dessein, je n'aurois pu rien faire qui vaille, n'ayant pas toujours eu mon interpréte à côté de moi, et n'ayant pas eu non plus la commodité d'écrire, à cause que nous avons été presque toujours en route, tant la nuit que le jour»....

новъ опоздавшаго солдата, что̀, по замѣчанію Делиля, не много стоило ни для того, кто давалъ, ни тому, кто получилъ тѣ удары. 3 марта, Делиль былъ уже въ Москвѣ, гдѣ, какъ ревностный католикъ, посѣтилъ католическую церковь. Два или три капуцина, находившіеся при ней, жили по всей строгости предписанной имъ нищеты, а московскіе католики не считали нужнымъ отвращать ихъ своими пожертвованіями отъ обѣта бѣдности. 7 марта, путники достигли Владиміра. Они ѣхали во время поста, и по дорогѣ имъ не давали даже яицъ и молока изъ опасенія согрѣшить за путешественниковъ, накормивъ ихъ скоромнымъ. Въ Муромѣ Кенигсфельдъ замѣтилъ, что тамъ печется лучшій въ Россіи бѣлый хлѣбъ. Онъ же записалъ о селѣ Павловѣ, расположенномъ на берегу Оки и принадлежавшемъ Черкасскому (à Zerkasin?), что тамъ продавались разныя русскія галлантерейныя вещи, какъ-то пистолеты, охотничьи ножи, замки, сдѣланные на подобіи сердца и величиною въ перцовое зерно. Въ десяти верстахъ оттуда, около Богородска, другое большое село—Лысково, гдѣ торговали прекрасными бѣлеными полотнами, и бывалъ по пятницамъ большой торгъ. Налѣво, отъ Лыскова, въ разстояніи двухъ верстъ—макарьевскій монастырь, знаменитый своею ярмаркою.

За Козьмодемьянскомъ, по дорогѣ въ Яранскъ, путешественники въ первый разъ встрѣтили черемисовъ. По собраннымъ свѣдѣніямъ, эти инородцы имѣли одинъ свой праздникъ—это первый день новаго года; прочіе же праздники были у нихъ, какъ у русскихъ, но они не соблюдали постовъ, ѣли конину, а бѣдные даже мясо собакъ. Кёнигсфельду показалось, что черемисскій языкъ очень сходенъ съ финскимъ и заимствовалъ нѣчто изъ русскаго и латинскаго (*). Онъ также записалъ о

(*) Черемисскія слова, записанныя Кенигсфельдомъ: atha—отецъ, ebva—мать, zuchur—хлѣбъ, schurgu—лѣсъ, zur imne—добрая лошадь, potka charie скорѣе ступай, baskelie—скоро, thire—сани, lebed—закрой, patsch—отвяжи, sira—пиво, araca—водка, lum- снѣгъ, schundel—братъ, schusar—сестра, juma богъ, retscha—солнце, tillse—луна, schider—звѣзда, mlenda—земля, with—вода, kutscha—остановись, oleu salve cumal—тихо, iktat—одинъ, kochtat—два, cumut—три, nillet—четыре, viset—пять, kucat—шесть, schinct—семь, kandansch—восемь, indensch—девять, suo—десять, kola—двадцать, kulo—тридцать, nilge—сорокъ, wittle—пятьдесятъ, rudla—шестьдесятъ, schide—сто, tuschecu—тысяча.

цѣнѣ припасовъ между Яранскомъ и Котельничемъ, гдѣ живутъ по бо́льшей части черемисы: быкъ — 1 руб., теленокъ — 18 коп., баранъ — 12 коп., курица — 1 коп., большой горшокъ молока — 1 коп., куль овса — 15 коп., куль ржи — 25 коп., сѣна 6 возовъ — 30 коп., большая кружка пива — 3 коп.

Проѣхавъ Котельничъ и Орловъ, путешественники, 14-го марта, достигли Вятки. Она показалась имъ прекраснымъ и большимъ городомъ, въ которомъ много каменныхъ зданій и огромная церковь, принадлежащая монастырю. Послѣдняя была построена четвероугольникомъ и имѣла позолоченный куполъ, который много придавалъ красоты городу. Въ Вятку въѣзжали чрезъ ворота восьмиугольной башни съ деревянною рѣшеткою. За Вяткою, Делиль встрѣтилъ настоящихъ вотяковъ — народъ грубый, языческій, жившій въ лѣсахъ. Они въ своихъ храмахъ, называвшихся qua, воздавали божескія почести быку, представлявшему въ ихъ глазахъ неизвѣстно какое божество; за неимѣніемъ этого животнаго, вотяки поклонялись гусю. У нихъ не было никакого понятія о времени, дняхъ, часахъ, и не имѣли они праздниковъ; хотя же и былъ жрецъ, но онъ столько же былъ свѣдущъ, какъ и они сами. Вотяки не знали письменъ, все передавалось у нихъ при помощи устныхъ преданій. Они вѣрили, что Богъ, называемый Alees, сотворилъ человѣка, но что на него плюнулъ шайтанъ (дьяволъ), отчего и послѣдовало развращеніе человѣческой природы. У нихъ не было обрядовъ при бракосочетаніи: мужчина, нашедшій себѣ по вкусу женщину, вступалъ съ нею въ сношенія, потомъ признавалъ ее за жену, поселялся у тестя, у котораго и оставался жить до смерти. Казался страннымъ головный уборъ вотячекъ: онъ состоялъ изъ шапки въ три этажа, вышиною въ два фута, украшенной пластинками изъ жести, серебра и разноцвѣтныхъ стеклышекъ (*).

Около Камы путешественники въѣхали во владѣнія бароновъ Строгановыхъ. Пространство ихъ земель Делиль рав-

---

(*) Слова изъ вотяцкаго языка, записанныя Кенигсфельдомъ: meer — богъ, scheitan — дьяволъ, waal — лошадь, athi — отецъ, ohumo — мать, dedi — сани, zorti — ступай, sila — остановись, goel — молоко, des — хорошо, dac — десять, urot — плохой, schundi — солнце, toles — луна, tisti — звѣзды, til — огонь, tell — воздухъ, wa — вода, mu — земля, pilecu — небо, sur — пиво, kurkui — яица.

нялъ величинѣ самой большой французской провинціи. Еще въ Москвѣ Строгановъ сообщилъ астроному карту своихъ владѣній. Въ строгановскихъ помѣстьяхъ академика принимали прекрасно. Прикащики спѣшили усердно услуживать ему. Какъ только путешественники пріѣзжали въ какое нибудь значительное селеніе, имъ отводили господскіе дома, которые вездѣ содержались въ порядкѣ и были хорошо протоплены. Повсюду имъ предлагались закуски и угощенія, за которыя ничего не брали. За такое вниманіе, замѣчаетъ Делиль, мы платили только словами, обѣщая разсказать ихъ барину о такомъ пріемѣ, для чего астрономъ и велѣлъ точно записывать ихъ имена. Проѣхавъ Тюмень, 19 марта Делиль достигъ Соликамска, расположеннаго на берегу Камы. Жители этого мѣста ему показались очень вѣжливыми и зажиточными—первое происходило отъ послѣдняго. Кёнигсфельдъ былъ тамъ въ гостяхъ у богатаго купца Алексѣя Ѳедоровича Турчанинова. При прощаніи онъ подарилъ автору дневника и сопровождавшему его маіору Салтанову и прапорщику Грегорьеву каждому по бахчѣ (bachtza) хорошаго чая, что составляетъ свертокъ въ $1^1/_4$ фунта, и пряниковъ (pain de sucre). Делиль ходилъ смотрѣть, какъ добываютъ тамъ соль: въ землѣ копаютъ колодцы, и находимая тамъ вода имѣетъ соленый вкусъ. Ее поднимаютъ оттуда посредствомъ весьма нехитрыхъ насосовъ, которые приводятся въ дѣйствіе лошадьми. Потомъ вода проводится по жолобамъ въ резервуаръ въ 50—60 футовъ длины и ширины, а высотою въ одинъ только футъ. Резервуаръ, который, собственно говоря, есть ничто иное, какъ котелъ сдѣланъ изъ листоваго желѣза и держится на полосахъ изъ того же метала, какъ будто на рѣшеткѣ. Снизу разводятъ сильный огонь изъ дровъ для кипяченія воды. Эта вода, испаряясь, выдѣляетъ изъ себя соль, и работники, совсѣмъ нагіе, стоя на окраинахъ котла, сбираютъ ее при помощи особеннаго рода деревянныхъ грабель, насаженныхъ на длинныя жерди, и разбиваютъ ее на куски. Болѣе двухъ сотъ домовъ заняты такимъ производствомъ, но эта соль не такъ хороша, какъ морская и каменная соль На возвратномъ пути изъ Сибири, Кёнигсфельдъ, проѣздомъ чрезъ Соликамскъ, добавилъ къ этому,

что въ солеварняхъ нѣтъ ничего искуственнаго; все производится тамъ руками людей, которые за каждыя двѣ сотни выкаченныхъ изъ ямъ ведеръ соленой воды получаютъ вознагражденія 3 копѣйки. Ямы эти глубиною отъ 30 до 40 тоазовъ; для того, чтобы вскипятить воду въ котлѣ нужно отъ 12 до 13 тоазовъ дровъ. Для полученія оттуда соли необходимо, чтобы вода кипятилась въ котлѣ безъостановочно двое сутокъ.

Изъ Соликамска путники двинулись на Востокъ, и ночью, 21 марта, проѣхали Молчанъ, гдѣ самая плохая дорога чрезъ Верхотурскія горы, отдѣляющія Европу отъ Азіи. Замѣчательнѣйшая изъ этихъ горъ есть Капатъ (Kapat?), которая получила названіе свое отъ того, что въ ней прорыта, по императорскому повелѣнію, дорога, ведущая въ Тобольскъ. Около Кирги, направо и налѣво возвышались надъ лѣсами высокія горы, кажущіяся длинными стѣнами. На протяженіи 150 верстъ по дорогѣ отъ Соликамска, путники только два раза мѣняли лошадей. Въ 12 верстахъ за Киргою, они ѣхали мимо цѣпи утесовъ, около 170 футовъ вышиною, называющихся Павдинской камень. По дорогѣ влѣво, на разстояніи ружейнаго выстрѣла, Кёнигсфельдъ примѣтилъ высоты, похожія на каменныя, совсѣмъ покрытыя мохомъ башни. Отъ села Спасскаго или Вогульска начинается народъ вогулы, живущій въ лѣсахъ, особенно изобильныхъ пихтою. Вогулы показались Кёнигсфельду очень похожими на калмыковъ. 22 года тому назадъ, князь Матвѣй Петровичъ Гагаринъ, бывшій намѣстникомъ въ Сибири, своими попеченіями обратилъ этотъ народъ въ православіе (*). По выѣздѣ изъ Верхотурья, снова встрѣчались по обѣимъ сторонамъ высокіе утесы: они соединены между собою городьбою и служатъ воротами для охраненія проѣзда въ Сибирь. Здѣсь взималась таможенная пошлина, но нашихъ путешественниковъ пропустили безъ досмотра. Въ Туринскѣ или

(*) Вотъ нѣкоторыя слова изъ вогульскаго языка у Кенигсфельда: Tarem—Богъ, katel—солнце, jamcopo—луна, konsa—звѣзды, attor—небо, taut—огонь, uuti—вода, mal—земля, sesecu—отецъ, aum—мать, jebu—братъ, jaike—сестра, naerko—императоръ, lu—лошадь, sür—корова, suncti—молоко, filalioi—птица.

Япончѣ, ихъ очень вѣжливо принялъ тамошній комендантъ, родомъ прусакъ или шведъ, Ведингеръ, который говорилъ понѣмецки, полатини и немного пофранцузски. Кёнигсфельдъ записалъ, что городъ этотъ прежде былъ деревнею и назывался Японча, по имени одного татарина Япончи.

Проѣхавъ Тюмень, 25 марта экспедиція достигла Турбинской юрты. Отсюда начинаются поселенія наиболѣе просвѣщенныхъ (humanisés) во всей Сибири татаръ, называемыхъ jasdisch, или красноярскими. Они очень чистоплотны и живутъ по обычаю восточныхъ народовъ. Въ жилищахъ ихъ, называемыхъ юртами, на возвышеніяхъ въ полъаршина отъ земли, развѣшены, какъ у персіянъ и турокъ, ковры; тамъ же, на маленькихъ очагахъ виднѣется большой котелъ, въ которомъ постоянно варится кашица (bouillie), которую эти татары предпочитаютъ пшеничному хлѣбу, хотя въ послѣднемъ у нихъ нѣтъ недостатка.

Вечеромъ 25 же марта, Делиль прибылъ въ Тобольскъ. Губернаторъ выслалъ къ нему на встрѣчу солдата, который и провожалъ ихъ въ городъ. По большой улицѣ, для пріема путешественниковъ, были раставлены рядами солдаты, и офицеры, ими командовавшіе, отдавали честь, когда мимо ихъ проѣзжалъ академикъ съ своею свитою. По пріѣздѣ Делиля въ отведенную ему квартиру, губернаторъ прислалъ офицера поздравить его съ пріѣздомъ и предложить все, что отъ него зависѣло. Кромѣ того, астронома посѣтило много другихъ лицъ, а губернаторъ потомъ прислалъ тамошнее угощеніе — въ двухъ большихъ сосудахъ медъ и пиво. На другой день, Делиль, со всѣми своими спутниками, отправился къ губернатору, Петру Ивановичу Бутурлину. Здѣсь ихъ угощали кофе, трубками и сушеной рыбой, вмѣсто сластей (en guise de mássepain). Губернаторъ хотѣлъ удержать у себя обѣдать пріѣзжихъ; но Делиль отказался, зная, что тогда былъ постный день, а ему нужна была болѣе питательная пища, чѣмъ рыба. Вообще нельзя было требовать почестей болѣе тѣхъ, которыя оказывались нашему ученому: у дверей его комнаты поставленъ былъ почетный караулъ, и было дано множество солдатъ для исполненія порученій академика и его спутниковъ.

По выходѣ отъ губернатора, хирургъ Гольцъ, котораго Делиль посѣтилъ съ Кёнигсфельдомъ, повелъ ихъ къ графинѣ Прасковьѣ Петровнѣ, урожденной Татариновой, супругѣ графа Санти, бывшаго церемоніймейстера двора, сосланнаго въ Ильгинской острогъ еще при императрицѣ Екатеринѣ I (*). Графъ женился въ Москвѣ (**), вскорѣ послѣ прибытія туда, не зная, что будетъ сосланъ гораздо далѣе. Женѣ не позволили слѣдовать за мужемъ, а также не могла она возвратиться къ семейству въ Москву (?), почему и принуждена была жить очень уединенно въ Тобольскѣ. Съ нею была сестра, мужу которой отрубили здѣсь голову 30 іюля 1739 г. (***). Эта

(*) Графъ Санти былъ возвращенъ изъ ссылки при императрицѣ Елизаветѣ, и о немъ, какъ о церемоніймейстерѣ, есть нѣсколько упоминаній въ Запискахъ Екатерины II.

(**) Впослѣдствіи Делиль записалъ, что Санти женился на Татариновой въ Иркутскѣ въ 1733 г., что кажется вѣроятнѣе, потому что семейство Татариновыхъ было изъ давнишнихъ сибиряковъ.

(***) Въ печатномъ французскомъ извлеченіи изъ описанія путешествія Делиля не обозначено имени этого казненнаго; но изъ рукописи Географическаго Общества узнаемъ, что на обратномъ пути Делиля въ Тобольскъ онъ встрѣтился снова съ сестрою графини Санти и изъ разговоровъ съ нею узналъ, что она была замужемъ за гарнизоннымъ маіоромъ Петромъ Ѳедоровичемъ Петровымъ, который дѣйствительно былъ казненъ въ Тобольскѣ, но, какъ показано въ оффиціальныхъ бумагахъ, 30 августа 1739 года. Маіоръ Петровъ начальствовалъ карауломъ, приставленнымъ въ Березовѣ къ семейству князей Долгоруковыхъ. Осипъ Тишинъ, канцеляристъ сибирской губернской канцеляріи, бывъ въ Березовѣ для допроса Долгоруковыхъ по одному изъ многочисленныхъ дѣлъ, безпрестанно возникавшихъ о нихъ въ царствованіе императрицы Анны, слышалъ отъ князя Ивана Алексѣевича, бывшаго любимца императора Петра II, разныя рѣзкія выраженія на счетъ царствовавшей государыни: «нынѣ-де, говорилъ онъ, фамилія и родъ нашъ весь пропалъ, все-де это.... нынѣшняя ваша императрица разорила, а все-де послушала.... цесаревны Елиза ....., за то что-де я хотѣлъ ее за непот ..... сослать въ монастырь».... Тишинъ, какъ объ этихъ словахъ, такъ и о томъ, что Долгоруковы не крѣпко содержатся въ Березовѣ, говорилъ Петрову, но этотъ о томъ никуда не доносилъ и продолжалъ оказывать снисхожденіе, впрочемъ ничтожное, къ сосланнымъ. При разслѣдованіи всего этого, оказалось, что разъ на Пасхѣ семейство Петрова было у Долгоруковыхъ. Кромѣ того, однажды послѣдніе присылали ему блюдо кренделей, а въ другой разъ меда съ полъпуда; дѣтямъ его подарили «вѣеръ небольшой на костяхъ тафтяной, травчатой, да полотна голландскаго одинъ аршинъ, да рубашку полотняную бѣлую» малолѣтнему сыну Петрова. Для маіора же, Долгоруковы купили въ Березовѣ лошадь и корову. Петровъ обвинялся при томъ въ недонесеніи, что жена березовскаго воеводы, Бобровская, получила отъ Долгоруковыхъ кусокъ «гризета съ искрами», за кумовство. Таковы были вины Петрова, за которыя онъ поплатился головою (Д. гос. архива).

дама была привлекательной наружности и очень любознательна: услыхавъ объ астрономахъ, ѣдущихъ въ дальнія мѣста, она пожелала ихъ видѣть и бесѣдовать съ ними; вотъ почему тѣ и были у нея. На другой день къ Делилю явился отъ графини служитель и принесъ въ салфеткахъ ослѣпительной бѣлизны двѣ большія тарелки — одну съ маленькими недавно испеченными хлѣбами, а другую съ китайскими апельсинами (orange de la Chine), сваренными и сжатыми, какъ сушенныя груши. За то Делиль поспѣшилъ послать этой дамѣ шесть бутылокъ французскаго вина и велѣлъ сказать ей, что онъ не уѣдетъ изъ Тобольска, не простившись съ нею.

Два дня спустя послѣ прибытія въ Тобольскъ, путешественники были очень удивлены по утру звономъ во всѣ городскіе колокола. Скоро объяснили имъ причину тому: умеръ семидесятилѣтній митрополитъ тобольскій Антоній — послѣдній въ цѣлой Россіи, носившій этотъ титулъ (*). Петръ Великій счелъ нужнымъ уничтожить это званіе, но тобольскаго іерарха, во уваженіе его заслугъ и преклонныхъ лѣтъ, оставилъ пользоваться титуломъ митрополита по смерть его.

Кёнигсфельдъ съ Гольцомъ пили чай у вдовы одного татарскаго князя, умершаго за четыре года передъ тѣмъ и называвшагося Суберковичъ (?). Онъ происходилъ отъ древняго рода Кучума, изъ котораго были въ старину сибирскіе цари. У вдовы были двѣ хорошенькія дочери, одѣтыя въ ихъ національныя платья — длинныя изъ штофа и украшенныя со всѣхъ сторонъ драгоцѣнными камнями и серебромъ. Передъ уходомъ гостей, хозяйка угощала ихъ особеннаго рода пирожками, или бѣлымъ хлѣбомъ — baiter.

26 марта, у Делиля и его спутниковъ: Кёнигсфельда, Салтанова и Грегорьева, былъ совѣтъ, касательно того, какой имъ избрать путь, такъ какъ многія лица удостовѣряли по опыту, что дорога между Березовымъ и Обдорскомъ почти

(*) Извѣстно, что у насъ впослѣдствіи было опять возстановлено это званіе, но при императрицѣ Аннѣ сохранялось въ силѣ постановленіе Петра объ упраздненіи метрополій. Упоминаемый здѣсь митрополитъ — Антоній Стаховскій, когда былъ префектомъ черниговскаго коллегіума, издалъ «Зерцало отъ писанія божественнаго», Черниговъ 1705 года.

невозможна по множеству препятствій отъ недостатка припасовъ, которыхъ тамъ нельзя и добыть. Это заставило путешественниковъ избрать мѣстомъ для наблюденія явленія или Сургутъ на рѣкѣ Оби, или же Нарымъ, если бы только была возможность добраться до послѣдняго къ 15 апрѣля. Нарымъ тѣмъ болѣе представлялъ удобствъ, что онъ былъ расположенъ къ Востоку, а направленіе къ Востоку было выгоднѣе направленія къ Сѣверу для предположенной цѣли путешествія. 28-го марта, Делиль, свита котораго увеличилась еще пятнадцатью солдатами, знавшими ремесла слесарное, плотничное и т. п., покинулъ Тобольскъ и направился къ Березову чрезъ Демьянскій и Самаровскій ямы и Шунгурскій погостъ.

По дорогѣ, путешественники имѣли случай познакомиться съ новымъ для нихъ народомъ—остяками. Первыхъ остяковъ они встрѣтили обращенныхъ уже въ православіе. Въ Филинскомъ погостѣ, Кёнигсфельдъ разсматривалъ оружіе одного изъ нихъ: оно состояло изъ длиннаго лука, длиною въ 7 футовъ, и стрѣлъ съ желѣзными наконечниками, довольно грубо сдѣланныхъ. Одна изъ нихъ предназначалась для охоты за бѣлками (petit gris) и отличалась отъ другихъ тѣмъ, что имѣла на концѣ маленькій конусообразный кусокъ дерева, который убиваетъ звѣря, не портя его кожи. Остяки питаются почти только одною рыбою, почему у нихъ повсюду рыбій запахъ. Кёнигсфельду встрѣтился также остякъ, отправлявшійся на охоту съ собакою, которая помогала ему держаться на снѣгу. У него былъ лукъ изъ кедра и палка, обдѣланная въ видѣ заступа (bêche); на одномъ концѣ ея была острая кость, въ видѣ зуба, и лыжа (une raquette), которая препятствуетъ палкѣ вязнуть въ снѣгу; на противоположномъ концѣ палки лопатка служитъ для разгребанія его, чтобы зарываться въ немъ на ночь, когда охотникъ въ лѣсу и захочетъ спать. На правомъ плечѣ у него висѣлъ колчанъ изъ оленьей кожи съ стрѣлами. По дорогѣ Кёнигсфельдъ видѣлъ нарты, или остяцкіе сани, запряженныя собаками. Послѣднія почти всѣ одна въ одну: росту средняго, носъ вздернутый, уши длинныя, поднятыя кверху, какъ у волковъ; верхняя часть шкуры черная, а нижнія части: лапы, подшеекъ и хвостъ—бѣлые. Туловище у нихъ обернуто ремнемъ, который веревками прикрѣп-

ленъ къ санямъ. Нарты очень легки и сдѣланы изъ ивовыхъ прутьевъ, но такъ крѣпко, что выдерживаютъ тяжесть человѣка съ поклажею. Въ такихъ-то экипажахъ остяки совершаютъ всѣ свои переѣзды, то лежа и даже спя, привязанные къ санямъ, то пѣшкомъ съ лопатками и въ лыжахъ, по бо́льшей части обтянутыхъ оленьей кожей.

Въ Самаровскомъ ямѣ, расположенномъ на Иртышѣ у подошвы высокой горы, путешественники встрѣтили шведскаго поручика Берга, взятаго русскими въ плѣнъ при Выборгѣ (въ 1710 г.) и принявшаго православіе. По разсказамъ его, остяки чтутъ Бога, котораго называютъ Mastrico. Его истукану покланялись отъ Нарыма на Оби до Самаровскаго яма, но послѣ, болѣе тысячи пятисотъ этихъ истукановъ было истреблено и сожжено. Въ первомъ изъ названныхъ мѣстъ находится каменный идолъ—Шайтанъ, которому остяки покланялись, какъ сатанѣ, чтобъ онъ не дѣлалъ имъ зла. Въ Кетскомъ или Троицкомъ монастырѣ, въ 40 верстахъ отъ Самаровскаго яма, хранилось для любопытства нѣсколько подобныхъ истукановъ.

Въ Линшѣ (Linsch или Liuch?), путники видѣли одного остяка, совсѣмъ опьянѣвшаго съ женою своею отъ куренія табаку. Онъ у нихъ служитъ обычнымъ рвотнымъ для очищенія желудка отъ безпокоющихъ ихъ слизей (des glaires), или отъ рыбы, которая не переваривается, потому что ѣдятъ ее безъ соли. Въ такихъ случаяхъ остяки берутъ въ ротъ воду и потомъ затягиваются табачнымъ дымомъ, что и производитъ рвоту. Трубки ихъ есть ничто иное, какъ четвероугольный, выдолбленный камень, въ который вдѣланъ деревянный мунштукъ въ футъ длиною, обтянутый кожею. Остяки такіе страстные охотники до табаку, что, въ случаѣ неимѣнія его, отвертываютъ мундштукъ, скоблятъ его и добытыми отъ того остатками набиваютъ свои трубки, которыя вмѣщаютъ въ себя столько, сколько нужно для одной затяжки. Одежда остяковъ, мужчинъ и женщинъ, украшена рыбьей чешуей ярко желтаго цвѣта, производящаго красивый видъ, также и другихъ цвѣтовъ. Бо́льшая часть одежды дѣлается изъ выдровыхъ шкуръ, которыя у нихъ очень обыкновенны и такъ велики, что иногда достигаютъ трехъ футовъ въ длину. Повѣрятъ ли, что и въ этихъ странахъ есть своего рода сует-

ность и нѣчто подобное роскоши? Женщины умѣютъ окрашивать эти мѣха, при помощи сока нѣкоторыхъ растеній, въ красный цвѣтъ, и такимъ образомъ украшать одежды для себя и мужей. Постели и подушки у нихъ также покрыты подобными мѣхами. Хижины или юрты остяковъ отличаются тѣмъ, что въ нихъ хотя есть также очаги и нѣтъ недостатка въ огнѣ, однако тамъ не безпокоитъ дымъ, какъ это случается у татаръ и даже у русскихъ. Вверху этихъ юртъ дѣлается овальное отверстіе, которое на ночь затыкается тростникомъ. Свѣтильня въ ихъ ночникахъ дѣлается изъ волоконъ, добываемыхъ изъ тальника—дерева, довольно похожаго на европейскую иву. Подобныя свѣтильни предварительно обмакиваются въ рыбій жиръ. Около стѣнъ внутри юрты идетъ возвышеніе около фута отъ земли и глубиною въ 5—6 футовъ. Тамъ помѣщаются постели изъ разноцвѣтныхъ тростниковыхъ рогожъ съ подушками, покрытыми рыбьей чешуей и набитыми птичьими перьями. Въ глубинѣ, возвышеніе обвѣшено подобными же рогожами, раскрашенными въ темныя цвѣта. «Въ этихъ то темныхъ альковахъ, мы, говоритъ Делиль, всегда примѣчали женщинъ, сидящихъ на корточкахъ и обращенныхъ спиною къ посѣтителямъ, съ носами, уткнутыми въ рогожи. Я не знаю, было ли то слѣдствіемъ опасенія соблазнить иностранцевъ своею красотою? Въ этомъ отношеніи имъ нечего опасаться: онѣ могутъ казаться красивыми только остякамъ, столь же безобразнымъ и отвратительнымъ, какъ онѣ сами. Впрочемъ, какъ ни безобразны остяки, дѣти у нихъ довольно красивы, круглолицыя, полныя и бѣлыя, между тѣмъ какъ у всѣхъ взрослыхъ остяковъ впалыя щеки и цвѣтъ мертвенный, маслянистый, что происходитъ отъ рыбьяго жира, который безъ соли составляетъ у нихъ главную пищу.«

Въ Шунгурскомъ погостѣ (такъ названо у Делиля), или въ Замосовской юртѣ (какъ написано у Кёнигсфельда), путешественники нашли церковь и русскаго священника, Василія Левина, уроженца Украйны, жившаго съ остяками около двѣнадцати лѣтъ. На другой день прибытія сюда, т. е. 6 апрѣля, праздновалась Пасха, и путники отправились въ церковь. Здѣсь женщины были отдѣлены отъ мужчинъ занавѣсомъ и имѣли на головахъ большіе платки, въ родѣ монашескихъ покрывалъ.

Послѣ церковной службы, священникъ радушно угощалъ проѣзжихъ и ни за что не хотѣлъ ничего взять за это. Изъ разсказовъ его видно, что языческія преданія въ тѣхъ мѣстахъ были тогда въ полной силѣ, и имъ вѣрилъ даже самъ разскащикъ. Такъ онъ сообщилъ Кёнигсфельду, что во время своихъ разъѣздовъ въ нартѣ, запряженной собаками, онъ проѣзжалъ однажды лѣсомъ, въ которомъ онъ и его спутникъ замѣтили дерево съ огромнымъ и чудовищнымъ изображеніемъ человѣческаго лица. Остякъ, сопровождавшій священника, спросилъ его, не нужно ли срубить топоромъ это изображеніе, такъ какъ то былъ идолъ шайтанъ, которому остяки язычники еще приносили жертвы и покланялись? Священникъ согласился на это, но въ то самое мгновеніе, когда дерево упало, раздался въ лѣсу страшный крикъ и столь громкій, какъ будто ревѣлъ самый огромный быкъ. Этотъ крикъ походилъ на звуки ouwé, ouwé, ouwa! Шесть собакъ, запряженныхъ въ нарту, испугались, принялись страшно выть, поджали хвосты и ни за что не хотѣли двинуться съ мѣста. Священникъ и его возница лежали въ нартѣ, полумертвые отъ страха. Наконецъ, собаки, не смотря на то, что были измучены и въ поту, побѣжали съ неимовѣрною быстротою и опрокинули нарту. Священникъ, противъ обыкновенія не былъ въ ней привязанъ, а потому выпалъ оттуда и пролежалъ на снѣгу, лишенный всякаго сознанія и чувства. Прійдя наконецъ въ себя, и осѣнившись крестнымъ знаменіемъ, онъ побрелъ шагъ за шагомъ и наконецъ верстахъ въ пятнадцати, нашелъ своего остяка, который сказывалъ, что ему не было никакой возможности удержать собакъ. Послѣднія были совсѣмъ измучены и не могли двинуться съ мѣста, а между тѣмъ было вѣтрено и холодно. Отъ стужи и страха священникъ страдалъ невыносимо, и съ тѣхъ поръ у него осталось такое сильное трясеніе рукъ, что онъ съ трудомъ могъ писать.

Другое событіе, разсказанное тѣмъ же священникомъ, заключалось въ слѣдующемъ: два года передъ тѣмъ, одна пятилѣтняя дѣвочка изъ погоста играла около церкви. Въ полдень замѣтили, что она изчезла. Вездѣ искали ее, но безполезно. Чрезъ три дня переѣхали Обь, которая протекаетъ мимо погоста, и стали дѣлать поиски въ лѣсу верстъ за 15, гдѣ нако-

нецъ и услыхали слабый жалобный голосъ. По нему дошли искавшіе до лужайки, на которой сидѣлъ бѣдный ребенокъ; передъ нимъ лежали кедровые орѣхи и половина рыбы. Она разсказывала, что ее перенесъ черезъ рѣку дядя, и что тогда вода доходила ей до половины колѣнъ. Потомъ онъ далъ ей рыбу и орѣховъ, но съ условіемъ, чтобы она поцѣловала его мохнатыя ноги, чего дѣвочка не исполнила, смѣясь и не хотя ему повиноваться. Наконецъ дядя бросилъ ее.

Путь отъ Тобольска къ Березову былъ очень утомителенъ для путешественниковъ: зима была такъ жестока, что мѣстные жители не помнили, чтобы была когда нибудь такая. Лошади были изнурены отъ недостатка кормовъ и перевозки громоздкихъ тяжестей, потому что, кромѣ большихъ инструментовъ, онѣ везли на себѣ продовольствіе на три мѣсяца. Послѣ чрезмѣрныхъ усилій и сильной усталости, путешественники 9 апрѣля достигли до Березова. Тамошній воевода, бывшій поручикъ преображенскаго полка Ѳедоръ Ивановичъ Шульгинъ, уже предувѣдомленный объ ихъ пріѣздѣ, тотчасъ размѣстилъ по квартирамъ пріѣзжихъ. Жители города спѣшили дарить ихъ сливками, говядиною, гусями и русскими кушаньями.

10 апрѣля, Делиль, Кёнигсфельдъ, Грёнингъ и Салтановъ держали совѣтъ, на которомъ было рѣшено остаться въ Березовѣ до весны, когда прибудутъ три лодки, которыя должны были слѣдовать за ними, потому что въ Березовѣ предупреждали путешественниковъ, что имъ нельзя далѣе везти инструментовъ сухимъ путемъ, какъ по множеству снѣговъ, такъ и по тому, что олени зимою теряютъ свою силу, а самки въ это время бываютъ стельны.

Такъ какъ Березовъ расположенъ на горѣ, то первымъ стараніемъ Делиля было отъискать мѣсто, удобное для обсерваторіи. Къ счастію, въ двухъ стахъ шагахъ отъ его квартиры, на берегу р. Сосвы нашлась необитаемая изба, на мѣстѣ удобномъ для астрономическихъ наблюденій, и съ котораго горизонтъ былъ совершенно открытъ. Скоро здѣсь была устроена обсерваторія, въ которой размѣстили инструменты и провѣрили часы. Тогда Делиль и Кёнигсфельдъ стали тамъ отъ времени до времени производить наблюденія. Измѣривъ высоту полюса

(т. е. географическую широту мѣста) и не вводя поправокъ, они нашли, что она была 64° 3′ 39″; разность между меридіанами болонскимъ и березовскимъ принята была равною 3 часамъ и 30 минутамъ. 22 апрѣля, въ день прохожденія Меркурія чрезъ солнце, все было готово для наблюденія этого явленія, но, къ величайшему сожалѣнію астронома, солнце было скрыто за облаками и появилось только часъ спустя послѣ прохожденія.

И на пути въ Березовъ, и въ самомъ городѣ, Кёнигсфельдъ сдѣлалъ нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ объ языкѣ остяковъ. Попадавшіеся ему до Березова, когда еще были язычниками, поклонялись воздуху и небу, какъ Богу, отчего у нихъ для этихъ трехъ предметовъ одно названіе du rom. Gigecu — отецъ, angeschi—мать, gigbog—братъ, gigewa—сестра, tut—огонь, mig—земля, ginck—вода, lauguts gün—лошадь, menne—ступай скорѣе, katla—остановись, kus—рыба, menem mia—дай мнѣ, guag — деньги, guagsar — дикой звѣрь, nogod — соболь, guide—серна (un elan), kunsugoi—олень, gwagsar—лисица, a entom—есть ли у тебя, gwischa—здравствуй, schatl—солнце, tilis—луна, kus—звѣзды, sorne—золото, gimbo—серебро, jug—лѣсъ, kungwae—птица, noelep—ложка, nogrep—ножикъ, zagern—табакъ, jartgiu—водка, kangsa—трубка, bacun—люби, anha—женщина.

Въ Березовѣ Кёнигсфельдъ имѣлъ случай узнать отъ своего караульнаго казака, березовскаго уроженца, о березовскихъ остякахъ. На ихъ языкѣ thor значитъ Богъ, asa—отецъ, anga—мать, gail—братъ, gewi—сестра, getzi kimia—моя душенька (ласкательное выраженіе у остяковъ); amp—собака, ogol—нарта, wil ogol—нарта, въ которую запряженъ олень, wil—олень, jam wacge—медвѣдь, wil sog—оленья шкура, kusz—платье мѣховое изъ шкуръ, которое носятъ зимою и лѣтомъ, was—утка, lund—гусь, wog—деньги, katra—мѣдная монета. Остяки вовсе не знаютъ золота и, можетъ быть, никогда не видали монеты изъ этого метала. Вообще они мало дорожатъ монетами, которыя для нихъ не нужны, и дорого цѣнятъ только то, что имъ необходимо для пищи и для ежедневнаго ихъ обихода. Вотъ ихъ счетъ: if—1, kat—2, chollen—3, nelg—4,

wet—5, schot—6, labat—7, nuil—8, wertiangk—9, janik—10, zkosian—11, kat kosian—12, chollkosian—13, nelkosian—14, wetkosian—15, chotkosian—16, labatkosian—17, nuilkosian—18, wertkosian—19, jankkosian—20, sath—100, jancksath—1000. Счетъ самоѣдовъ: oby—1, sede—2, naer—3, thet—4, semelengk—5, moth—6, siju—7, sende—8, chad sawaju—9, lutzeÿn—10. Касательно ogultzi (?), Кёнигсфельдъ узналъ только слѣдующій ихъ счетъ: agu—1, kity—2, chorm—3, niul—4, ath—5, chot—6, sath—7, niellelu—8, ontolon—9, lu—10. Въ Березовѣ у остяковъ nukas значитъ соболь; wochsar—лисица, sas—горностай, langi—бѣлка, keschy—ножикъ, laim—топоръ, pudt—котелъ, schar—табакъ, ti mia—дай мнѣ, nunik chosa wol—есть ли у тебя, tut—огонь, kul—рыба, sog—осетрина, untsch—нельма или бѣлорыбица, panninu sog—остяцкое украшеніе изъ рыбьей чешуи, что̀ русскіе называютъ кушакъ, pannoe chyr sog—мѣшокъ изъ рыбьей чешуи щуки и стерляди, сшитой вмѣстѣ; желтыя полосы берутся именно изъ стерляжьей чешуи.

О березовскомъ климатѣ Кёнигсфельдъ замѣчаетъ, что тамъ иногда въ концѣ іюня выпадаетъ снѣгъ, а берега Оби окончательно обсыхаютъ только въ августѣ мѣсяцѣ. Когда лѣто бываетъ дождливое, то Обь выходитъ изъ береговъ, иногда покрываетъ окружныя земли верстъ на пятьдесятъ и образуетъ потоки и трясины, очень опасные для переѣздовъ, въ особенности зимою, потому что въ такихъ мѣстахъ не бываетъ жилищъ и не видно ничего, кромѣ неба и снѣговъ. Когда вода долго остается на поверхности земли, какъ напр. въ 1737 г., то вся трава портится; внутренность стебельковъ ея наполняется тиною, что губитъ скотъ, который ею кормится: тогда внутренности палой скотины находятъ наполненными пескомъ или иломъ (terre grasse). Въ бытность путешественниковъ въ Березовѣ, они были свидѣтелями такой грозы, какой никогда не видали въ Европѣ. Она разразилась 13 мая; эхо послѣ каждаго громоваго удара продолжалось отъ 30 до 40 секундъ. По разсказамъ туземцевъ, грозы въ августѣ бываютъ еще сильнѣе: по рѣдкости населенія, онѣ мало наносятъ вреда людямъ и по бо̀льшей части разражаются въ лѣсахъ. Съ 18 на 19 мая

прошелъ съ Востока ужасный ураганъ: Сосва выступила изъ береговъ, разлилась на пространствѣ отъ 5 до 7 верстъ, и Березовъ казался стоящимъ посреди озера. Затѣмъ послѣдовала сильная стужа, и по замерзшимъ топямъ и грязи можно было ходить, нисколько не вязнувъ.

Когда еще снѣгъ не сошелъ, путешественники пробовали изъ любопытства ѣздить въ нартахъ на оленяхъ вдоль берега рѣки на протяженіи двухъ верстъ. Олени бѣгутъ очень легко и быстро, но весьма горячатся и скоро устаютъ. Ихъ погоняютъ длинною палкою, оканчивающеюся шарикомъ; управляютъ же посредствомъ ремня, привязаннаго къ рогамъ съ лѣвой стороны. 12-го мая Сосва вскрылась въ Березовѣ, и на ней появилось множество остяковъ на лодкахъ. Обыкновенно въ нихъ садятся по двое; длиною онѣ не болѣе 7 футовъ, а шириною 2 фута, слѣдовательно такъ малы, что съ трудомъ поднимаютъ двухъ человѣкъ. Когда остяки на сушѣ, то при нихъ всегда двѣ собаки, которыя и перевозятъ лодку до юрты или до другой рѣки, которую надобно переплыть. Поэтому собаки для остяковъ большое подспорье во всѣ времена года; это такъ сказать ихъ крѣпостные работники. Выше было замѣчено, что животныя эти очень походятъ на европейскихъ волковъ, какъ цвѣтомъ, такъ шерстью и ростомъ. Впрочемъ есть черныя, болѣе нѣжныя, чѣмъ сѣрыя, и производившія, по словамъ Кёнигсфельда, ужасный вой по ночамъ. Этотъ же путешественникъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ, что ихъ переводчикъ подарилъ ему бѣлаго снѣгиря (pivoin, Dompfaffe), у котораго спина была черноватая, нѣсколько сѣрѣвшая, какъ разсказывали, лѣтомъ. Эти птицы прекрасно свистятъ; пѣніе у нихъ нѣжное, пріятное и гораздо лучше, чѣмъ у европейскихъ.

Березовскій воевода водилъ путешественниковъ показывать складочное мѣсто для мѣховъ, принадлежавшихъ императрицѣ. Сюда доставляются мѣха, собираемые изъ шести волостей: Подгородной, Обдорской, Касинской, Лопинской, Сосвинской и Кумовотской. Волость есть то же, что станъ, или родъ прихода. Пять, шесть, семь, а иногда болѣе юртъ составляютъ волость. Въ главныхъ юртахъ ея есть князь, начальникъ остяковъ. Впро-

чемъ, кромѣ этого титула и обязанности платить болѣе значительную подать, нѣтъ у него никакихъ преимуществъ.

Въ мѣстностяхъ около Березова водилось много бобровъ, любящихъ селиться по берегамъ рѣкъ. Они не менѣе изобрѣтательны, не менѣе хорошіе строители, чѣмъ бобры въ Канадѣ; но полагаютъ, что между ними есть разница. Въ жилищахъ сибирскихъ бобровъ, есть множество выходовъ, прорытыхъ, или скрытыхъ подъ землею на значительномъ другъ отъ друга разстояніи. Разсказываютъ, что у нихъ есть передовые посты и скрытные караульные, смѣняющіеся отъ времени до времени. Однимъ словомъ, сибирскіе бобры не уступаютъ американскимъ въ тонкости и хитрости. Кёнигсфельдъ ѣздилъ смотрѣть въ 25 верстахъ отъ Березова на Сосвѣ одно изъ ихъ поселеній и нашелъ, что къ нему вели четыре дороги. Остяцкіе собаки очень хорошо умѣютъ препятствовать спасаться этимъ животнымъ, но бобры еще хитрѣе ихъ и, почуявъ приближеніе собакъ, погружаются въ воду и тѣмъ самимъ увертываются отъ нихъ.

Березовъ въ XVIII столѣтіи былъ мѣстомъ ссылки самыхъ важныхъ изъ политическихъ преступниковъ, и этотъ отдаленный городокъ видѣлъ въ своихъ стѣнахъ такія знаменитости, каковы были Меншиковъ, Долгорукіе, Остерманъ. Замѣчательно, что изъ разсказовъ Кастрѐна, имя котораго не возможно упоминать безъ сожалѣнія о ранней его кончинѣ для науки, видно, что, въ бытность его въ Березовѣ въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, не сохранилось никакихъ преданій ни о Долгорукихъ, ни объ Остерманѣ, и память о нихъ изчезла, какъ будто они никогда не бывали тамъ; но за то въ Березовѣ много воспоминаній не лишенныхъ поэзіи, о томъ, кого въ юности Петръ Великій называлъ mein Herzens Kind и кто готовился быть тестемъ императора Петра II.

У Кастрѐна въ Обдорскѣ былъ знакомецъ, старикъ изъ березовскихъ казаковъ. «Этотъ человѣкъ, пишетъ ученый, заинтересовалъ меня болѣе, чѣмъ другіе казаки, своимъ благоговѣніемъ къ Меншикову. Вообще жители г. Березова чтутъ съ благоговѣйнымъ чувствомъ память ихъ знаменитаго гостя. Что же касается до вышепомянутаго казака, то онъ не могъ

говорить безъ одушевленія о сосланномъ, опальномъ вельможѣ, и все, что говорилъ Меншиковъ и чему поучалъ онъ, было для него закономъ. Онъ зналъ однообразную жизнь Меншикова, когда тотъ проводилъ время въ изгнаніи и униженіи, тверже чѣмъ молитвы, которыя читалъ каждое утро и вечеръ. По разсказамъ старика, Меншиковъ, прибывъ въ Березовъ, сталъ усердно размышлять о своей душѣ и пришелъ къ убѣжденію, что до тѣхъ поръ всѣ его помыслы не имѣли другой цѣли, кромѣ своего собственнаго возвышенія. И дома, и при народѣ, онъ каялся, что былъ виноватъ предъ своимъ государемъ, и сознавалъ, что заслуживалъ постигшее его тяжелое наказаніе. Онъ видѣлъ въ немъ не кару, но милость неба, которое отверзло ему двери милосердія. Чтобы вымолить прощеніе грѣхамъ своимъ, онъ рѣшился посвятить остатокъ жизни покаянію и для того приступилъ къ сооруженію церкви. При стройкѣ ея, онъ самъ работалъ съ прочими, а когда зданіе было готово, то принялъ на себя ничтожное званіе церковнаго старосты и съ точностью выполнялъ всѣ его обязанности. Ежедневно, первымъ входилъ въ храмъ и послѣдній оставлялъ его; часто, по окончаніи божественной службы, передавалъ собравшемуся народу наставленія отъ писаній божественныхъ. Нашъ казакъ былъ неистощимъ на воспоминанія о поученіяхъ, которыя преподавалъ Меншиковъ своимъ слушателямъ при томъ или другомъ случаѣ, конечно, безъ всякаго предчувствія, что даже по прошествіи болѣе чѣмъ столѣтія они останутся еще въ памяти признательныхъ жителей Березова (*)»....

Если въ Березовѣ было такъ живо воспоминаніе о Меншиковѣ за двадцать лѣтъ до нашего времени, то можно себѣ представить, какъ много было тамъ разсказовъ о немъ одинадцать лѣтъ спустя послѣ его смерти, въ бытность въ Березовѣ Делиля. Тогда содержалось уже въ острогѣ семейство князя Алексѣя Долгорукаго (**). Не задолго до прибытія астронома,

---

(*) M. Alexander Castrén's Reiseerinnerungen aus den Jahren 1838 — 1844, стр. 284, 285.

(**) Изъ дѣла госуд. архива видно, что въ апрѣлѣ 1740 г. въ березовскомъ острогѣ жили: княгиня Наталья Борисовна, жена кн. Ивана Алексѣевича, любимца Петра II, съ сыновьями Михаиломъ и Дмитріемъ; братъ

сюда прислали новаго командира надъ карауломъ. На третій день послѣ пріѣзда въ Березовъ Делиля, 11 апрѣля, Кёнигсфельдъ записалъ въ дневникѣ: «около вечера, мы посѣтили маіора Андрея Ивановича Карпова, прибывшаго сюда изъ Тобольска съ пятидесятью солдатами, смѣняемыми каждый годъ. Онъ насъ принялъ очень вѣжливо, угостилъ чаемъ и кедровыми орѣхами и взялъ на себя трудъ подняться съ своими гостями на колокольню, построенную передъ церковью. Оттуда мы смотрѣли на острогъ, или темницу государственныхъ преступниковъ. Зданіе это расположено за маленькою рѣчкою, чрезъ которую сдѣланъ мостъ. Карповъ указывалъ и домъ, въ которомъ живетъ тамъ самъ, такъ какъ обязанъ постоянно быть при караулѣ. Въ то же время видѣли и церковь, сооруженную княземъ Меншиковымъ, *и въ которой онъ похороненъ подъ алтаремъ* (*).

Далѣе въ дневникѣ Кёнигсфельда читаемъ:

«14-го мая, на р. Сосвѣ, шагахъ 150 отъ берега, я началъ снимать видъ Березова, на крайней оконечности горы съ южной стороны, и перерисовалъ его на-бѣло въ тотъ же день, но только карандашемъ. 15 мая, также пробовалъ я, будучи у рѣки во стѣ шагахъ отъ берега, снимать положеніе острога, гдѣ содержатся государственные преступники, и церкви, сооруженной княземъ Меншиковымъ съ восточной стороны. И тотъ и другая обозначены буквами *o* и *a*»... Сличи рисунки подъ буквами *A*, *B*, *C*.

Послѣдній рисунокъ и объясненія о немъ Кёнигсфельда въ томъ отношеніи любопытны, что они даютъ возможность съ точностью опредѣлить мѣсто погребенія замѣчательнѣйшаго изъ всѣхъ сотрудниковъ Петра Великаго. Извѣстно, что Бан-

---

Ивана, князь Алексѣй съ сестрами, княжнами Еленою и Анною. При нихъ были въ услуженіи три вдовы и одна дѣвушка. На другомъ дворѣ, подъ особымъ карауломъ содержалась обрученница Петра II, княжна Екатерина Алексѣевна.

(*) Меншиковъ умеръ 12 ноября 1729 г., а 29 октября того же года умерла дочь его Марья. См. статью г. Есипова въ Отечест. Зап. 1860 г. т. CXXXI, № 8, 379; 1861 года т. CXXXIV, № 1, стр. 5 и № 2 въ концѣ приложеніе. Статья эта потому заслуживаетъ вниманія, что въ ней сдѣланы выписки изъ оффиціальныхъ актовъ, которые часто опровергаютъ тѣ свѣдѣнія, которымъ вѣрили на слово довольно долгое время. Впрочемъ приведенныя тамъ же, разныя печатныя извѣстія вовсе оставлены безъ критической провѣрки.

тышъ Каменскій, будучи губернаторомъ въ Тобольскѣ, сдѣлалъ распоряженіе объ отысканіи могилы Меншикова. Мѣстный городничій, въ 1825 г., раскопалъ одну могилу и схороненный тамъ трупъ выданъ былъ за останки Меншикова. Подробности о томъ Бантышъ Каменскій описалъ въ своемъ Словарѣ достопамятныхъ людей, и на основаніи ихъ долгое время всѣ вѣрили, что Бантышъ Каменскій точно видѣлъ въ могилѣ самого Меншикова. Недавно одинъ мѣстный изслѣдователь, г. Абрамовъ, основательно опровергнулъ разсказы Бантышъ Каменскаго (*). Догадка его, что Меншиковъ погребенъ при сооруженной имъ церкви, окончательно подтверждается словами и рисунками въ дневникѣ Кёнигсфельда. Г. Абрамовъ сообщилъ при томъ, что березовскій острогъ, построенный около 1724 г., «находился въ двадцати саженяхъ на Западъ отъ нынѣшней каменной богородице-рождественской церкви. Въ немъ было невысокое, съ большими, кверху круглыми окнами, пространное зданіе».... Въ 1754 г., оно было исправлено для содержанія государственнаго преступника Якова Гонтковскаго (**); потомъ оставалось пустымъ; въ 1784 г. перенесено и перестроено для помѣщенія присутственныхъ мѣстъ, а въ пожаръ 1806 г. сгорѣло.

22 мая 1740 года, путешественники покинули Березовъ, чтобы возвратиться въ Тобольскъ. Такимъ образомъ двѣ главнѣйшія цѣли, которыя были указаны Делилемъ въ его представленіяхъ Академіи о необходимости снаряженія экспедиціи, именно: наблюденіе прохожденія Меркурія чрезъ солнце и провѣрка картъ и извѣстій, собранныхъ при разъисканіяхъ пути въ Азію чрезъ Сѣверный Океанъ, не были достигнуты. По всѣмъ признакамъ замѣтно, что Делиля не мало озабочивало

(*) Сличи Словарь Бант. Каменскаго, II, 420, СПб. 1847 г. и Записки Геогр. Общества за 1857 г. кн. XII, стр. 368, 372; Тобольскія губернскія вѣдомости, 1857 г., часть неоф. № 22, стр. 406 — 408. Извѣстія о различныхъ мнѣніяхъ касательно мѣста погребенія кн. Меншикова можно найти въ С.-Петербургскихъ Вѣдом. 1863 г. № 68. Послѣдняя статья принадлежитъ г. Шубинскому.

(**) Яковъ Гонтковскій, полякъ, былъ сосланъ въ Березовъ за то, что служилъ шпіономъ прусскому королю въ 1761 году, когда русскія войска находились въ предѣлахъ Пруссіи, и надѣялся получить отъ Фридриха II епископство. Д. гос. арх.

это, и потому онъ, еще въ бытность свою въ Березовѣ, писалъ подробно въ Петербургъ, какъ о неудавшемся астрономическомъ наблюденіи, такъ и о причинахъ, побудившихъ его оставить намѣреніе отправиться къ берегамъ Сѣвернаго Океана. Письма по этому предмету Делиль послалъ не только къ тогдашнему президенту Академіи Наукъ, барону Корфу, но и къ гр. Остерману, Артемію Петровичу Волынскому и Гроссу, бывшему въ началѣ академикомъ, а потомъ состоявшему при Остерманѣ (*).

«Я прибылъ, писалъ Делиль къ барону Корфу $^{11}/_{21}$ мая 1740 г., въ Березовъ $^{9}/_{20}$ апрѣля за двѣнадцать дней до прохожденія Меркурія чрезъ солнце, что мнѣ не казалось слишкомъ долгимъ, во-первыхъ для того, чтобы немного отдохнуть послѣ такого длиннаго и утомительнаго путешествія, во-вторыхъ, чтобы поправить разстройство моихъ инструментовъ, которые не вынимались изъ ящиковъ отъ самаго Петербурга, а между тѣмъ въ дорогѣ подвергались сильнымъ толчкамъ; наконецъ въ-третьихъ, чтобы начать повѣрку моихъ часовъ съ маятниками для предположеннаго наблюденія Меркурія. Даже если бы и не было этихъ причинъ для остановки въ Березовѣ, то во всякомъ случаѣ мнѣ было невозможно ѣхать далѣе, какъ по причинѣ дурныхъ дорогъ, такъ и по недостатку лошадей. Эти животныя съ трудомъ могли добраться до Березова за недостаткомъ кормовъ. При дальнѣйшихъ зимнихъ переѣздахъ

(*) Делиль писалъ также изъ Березова къ французскому посланнику при русскомъ дворѣ, маркизу де-ла-Шетарди, и благодарилъ его за soupes et sauces, mises en tablettes, которыя были даны имъ академику въ дорогу. «Трудно, пишетъ между прочимъ послѣдній, сообщить вашему превосходительству о странахъ, которыя я проѣхалъ. Все, что могу сказать, состоитъ въ томъ, что я нашелъ географію этой части Россіи болѣе привлекательною на бумагѣ, чѣмъ въ дѣйствительности. Правда, что я видѣлъ ее въ зимнее время, всю покрытую снѣгами и льдами; но когда покажутся земля и вода, то города и жилища не будутъ отъ того выстроены лучше, а народы не сдѣлаются чѣмъ либо инымъ, кромѣ русскихъ, чтобы не сказать хуже, т. е. чтобы не назвать другихъ народовъ, находящихся подъ русскимъ владычествомъ, какъ то: черемисовъ, вотяковъ, чувашей, вогуличей и остяковъ, худшихъ изъ всѣхъ. Я пригляжусь къ нимъ попристальнѣе на свободѣ, при моемъ возвращеніи, которое послѣдуетъ какъ только можно скорѣе. Но наводненія, бывающія здѣсь отъ таянія снѣговъ и льдовъ, грозятъ удержать меня здѣсь мѣсяцъ или два. Тогда придется пожалуй, путешествовать по небу съ моими инструментами; но я еще дорожу землею»....

употребляютъ оленей и собакъ; ихъ закладываютъ въ длинныя и столь непрочныя сани, что они могутъ поднимать лишь небольшія тяжести. Какъ только показали намъ сани, которыя были приготовлены для нашего путешествія, то мы тотчасъ же убѣдились въ невозможности воспользоваться ими и, слѣдовательно, въ необходимости остаться въ Березовѣ. Впрочемъ офицеръ, который ѣхалъ впереди насъ, и съ которымъ не было никакихъ тяжестей, имѣлъ, согласно даннымъ ему приказаніямъ, возможность доѣхать до Обдорска и даже до устьевъ Оби. Но одинъ разсказъ его объ этой поѣздкѣ, по возвращеніи оттуда, приводитъ меня въ содраганіе, когда я объ этомъ подумаю.»

«Когда мы проѣзжали черезъ Тобольскъ, то, въ силу имѣемыхъ у насъ повелѣній, просили губернатора прислать намъ, тотчасъ по вскрытіи Оби, суда, какъ для перевозки насъ въ Тобольскъ, такъ и для поѣздки къ устью этой рѣки у моря, потому что лѣтомъ, кромѣ водяныхъ, здѣсь нѣтъ никакихъ путей сообщенія. Но мы тогда не знали, что эта огромная рѣка очень опасна, когда ѣхать по ней на дощаникахъ, которые будутъ широка и присланы изъ Тобольска и которые русскіе употребляютъ на обыкновенныхъ рѣкахъ. Между тѣмъ, морскіе офицеры, спускавшіеся нѣсколько лѣтъ тому назадъ по Оби къ устью ея, велѣли нарочно для того построить особыя суда, которыхъ теперь нѣтъ въ Тобольскѣ, такъ какъ они перевезены на Енисей. Поэтому мы воспользуемся дощаниками, которыхъ ждемъ изъ Тобольска, только для того, чтобы вернуться туда, какъ можно скорѣе.

Къ Волынскому (*) и гр. Остерману Делиль писалъ

(*) Къ Волынскому же сохранилось одно письмо спутника Делиля, маіора Салтанова, такого содержанія: «Премного милостивый и милосердый государь и отецъ Артемій Петровичъ! Всепокорнѣйше вашему высокопревосходительству доношу: прибыли мы и съ г. Делилемъ въ Березовъ апрѣля 9 дня, гдѣ принуждены были остановитца, понеже для трудности пути ѣхать было никакъ невозможно; къ тому жъ и инструменты многіе повредились. И для того сдѣлали на пустой избѣ обсерваторію и починили сколько возможно тѣ инструменты. И по сіе число сочинили нѣсколько обсерваціевъ разныхъ, какъ для лонгитуды, такъ латитуды чрезъ разныя свѣтила, а Меркуріевой видѣть счастія не имѣли. Премного милостивый и милосердый государь и отецъ вашего высокопревосходительства всепокорнѣйшій слуга Семенъ Салтановъ. Изъ Березова мая 11 дня 1740 г. P. S. При семъ всепокорнѣйше прошу, чтобъ оставшіе послѣ г. профессора Ѳархварсона въ его домѣ и во академіи (морской) книги и письмы приказать до моего пріѣзду сберечь, отчего я надѣюсь не малой быть пользѣ.»

совершенно одинаково. Описавъ неудачу при наблюденіи прохожденія Меркурія, астрономъ прибавлялъ: «ваше превосходительство можете лучше, чѣмъ кто либо судить о неудовольствіи, возбужденномъ во мнѣ такою неудачею; но по истинѣ могу завѣрить васъ, что здѣсь дѣло шло менѣе о моемъ удовольствіи, чѣмъ о чести русской націи, такъ какъ я сильно желалъ показать иностранцамъ, что способна совершить эта нація для успѣховъ наукъ, когда въ главѣ управленія ея находится такой великій покровитель наукъ и ученыхъ, какъ ваше превосходительство. Но отъ этой неудачи теряетъ только астрономія; вся же Европа, которая тѣмъ интересуется, узнаетъ, съ какимъ великодушіемъ ваше превосходительство покровительствовали моему представленію, имѣвшему цѣлію сколько успѣхи астрономіи, столько же и честь націи.»

Академикъ В. Я. Струве писалъ въ 1847 году, что «Делиль, во время своего путешествія, за 107 лѣтъ передъ симъ, употреблялъ для опредѣленія долготъ способъ, который мы теперь считаемъ самымъ точнымъ и самымъ удобнымъ для пунктовъ, весьма отдаленныхъ одинъ отъ другаго — способъ, который вошелъ въ общее употребленіе въ послѣднія двадцать лѣтъ.» Объ этомъ-то способѣ Делиль сообщилъ подробности въ письмѣ отъ $^{7}/_{18}$ іюля 1740 г. къ графу Головину, президенту адмиралтействъ коллегіи, изучавшему мореходство за границею, и потому болѣе понимавшему важность этого предмета:

«Мои другія наблюденія (т. е. кромѣ прохожденія Меркурія) въ Березовѣ главнѣйше состояли въ опредѣленіи долготы этого мѣста посредствомъ новаго способа, который я предположилъ испытать, и на это слѣдуетъ смотрѣть, какъ на одинъ изъ плодовъ моего путешествія. Вашему превосходительству извѣстны главнѣйшія попытки, которыя до сихъ поръ дѣлались для опредѣленія долготъ. Правда, что преимущественно желали найти вѣрный и легкій способъ опредѣлять ихъ на морѣ всякій разъ, когда это потребуется. Но если астрономія должна когда либо услужить этимъ способомъ мореплаванію, то прежде всего слѣдуетъ начать съ опытовъ на сушѣ. Ваше превосходительство знаете, что до сихъ поръ на сушѣ не сыскали еще спосо-

ба, посредствомъ котораго опредѣлялись бы долготы столь часто, сколько этого пожелаешь. Донынѣ, для этого слѣдовало ожидать затмѣній луны или спутниковъ Юпитера. Впрочемъ найденъ еще способъ пользоваться въ этомъ случаѣ солнечными затмѣніями и покрытіемъ планетъ и неподвижныхъ звѣздъ луною; но подобныя наблюденія слишкомъ рѣдки и трудны. То, что теперь требуютъ и предлагаютъ, безъ примѣненія однако на дѣлѣ, заключается въ опредѣленіи долготы по наблюденіямъ луны каждый разъ, какъ она показывается на небѣ, и производить это даже безъ помощи соотвѣтственныхъ наблюденій. Эти два предмета имѣлъ я въ виду при моей поѣздкѣ и думаю, что достигъ цѣли. Такимъ образомъ ваше превосходительство увидите, что я вскорѣ могу имѣть право на премію, предложенную англичанами, голландцами и французами за открытіе опредѣлять долготы. Мнѣ неизвѣстно, обѣщала ли также что нибудь Россія за подобное открытіе. Въ ожиданіи извѣстія о томъ, мнѣ слѣдуетъ довольствоваться пользою, которую окажетъ это открытіе успѣхамъ географіи Россіи, потому что ваше превосходительство сами разсудите, что, если можно будетъ опредѣлять на сушѣ долготы посредствомъ луны, когда только того пожелаешь, то весьма легко получить въ короткій срокъ долготы всѣхъ главныхъ русскихъ городовъ, чтобы достаточно исправить всѣ карты имперіи. Для этого только надобно будетъ научить практикѣ астрономическихъ наблюденій довольное количество геодезистовъ, или учениковъ математики, и потомъ разослать ихъ по разнымъ областямъ Россіи съ необходимыми при такихъ наблюденіяхъ инструментами, о чемъ, кажется, и думали, когда мнѣ придали въ путешествіе учителя Салтанова и математическихъ учениковъ. Но существуетъ огромная разница между способами, преподаваемыми въ трактатахъ мореплаванія даже объ измѣреніи высоты полюса и о производствѣ наблюденій помощію морскихъ инструментовъ, и пріемами, которые употребляютъ астрономы на сушѣ съ инструментами, совершенно отличными и со всѣмъ съ иною точностью, которой достигать на морѣ было бы очень желательно. Я началъ обучать, пользуясь взятыми со мною инструментами, преподавателя Салтанова и находящихся при немъ учениковъ, и стараюсь

преимущественно объяснить имъ разницу такихъ наблюденій отъ производимыхъ на морѣ. Даже самые трактаты о сферической и теоретической астрономіи, т. е. свѣдѣнія, почерпнутыя изъ этихъ наукъ, должны быть излагаемы различно, смотря по примѣненію ихъ къ морскому дѣлу (la marine et la navigation), или же къ астрономіи и географіи. При пользованіи астрономіею для географіи слѣдуетъ не только умѣть хорошо выводить долготы и широты изъ наблюденій и пр., но также необходимо сверхъ того умѣть впередъ предсказывать явленія, служащія къ ихъ опредѣленію, а когда наблюденія произведены, то ихъ вычислить—это значитъ требовать довольно обширныхъ свѣдѣній въ астрономіи и въ пользованіи таблицами, предложенными для облегченія вычисленій и составленія эфемеридъ. Послѣдними мореплаватели также должны пользоваться, но иначе, чѣмъ астрономы. Всѣ эти причины приводятъ меня къ убѣжденію въ настоятельной потребности къ составленію, для пользы русскаго народа, астрономическаго руководства, преимущественно практическаго. Оно могло бы дать возможность русскимъ молодымъ людямъ производить всѣ астрономическія наблюденія, не только полезныя для географіи, но также и для изученія вообще астрономіи. Ваше превосходительство можете повѣрить, что мнѣ нельзя написать этого сочиненія въ продолженіе моего путешествія. Я только успѣлъ составить планъ и отдѣлать нѣкоторую частицу; окончить же его буду въ состояніи въ Петербургѣ, при пособіи всѣхъ моихъ книгъ и бумагъ. Что касается до лицъ, посланныхъ со мною, и которымъ я преподаю все вышесказанное, насколько это возможно при переѣздахъ, то я убѣдился, что это будетъ напрасный трудъ для г. Салтанова, не потому, чтобы онъ былъ менѣе понятливъ, чѣмъ ученики его, но отъ того, что въ его лѣта, съ привычкою съ давнихъ временъ преподавать трактаты, которые онъ изучилъ подъ руководствомъ г. Фергюсона (*), онъ уже не въ силахъ болѣе приняться за работу, которая требуетъ постоянныхъ упражненій и, слѣдо-

(*) Фергюсонъ, англійскій математикъ, вызванный въ Россію Петромъ Великимъ. Въ первой половинѣ XVIII в. наши моряки всѣ были ему обязаны своими познаніями въ математикѣ. Въ вышеприведенномъ письмѣ къ Волынскому, Салтановъ называетъ его Ѳархварсонъ. См. выше стр. 27.

вательно, требуетъ людей способныхъ къ нимъ—такихъ, какими могутъ быть молодые люди, нарочно къ тому подготовленные и не отвлекаемые другими занятіями»....

Въ письмѣ къ Гроссу, о которомъ замѣчено выше, Делиль ($^{11}/_{22}$ мая 1740 г.) распространяется объ этомъ же предметѣ.

«Въ Березовѣ я былъ въ состояніи устроить небольшую обсерваторію и приступить къ повѣркѣ моихъ часовъ съ маятниками прежде прохожденія Меркурія чрезъ кругъ солнца; но тучи лишили меня удовольствія видѣть, до какой степени было справедливо мое предсказаніе. Въ то утро, солнце показалось по прошествіи болѣе чѣмъ часа послѣ того, какъ Меркурій долженъ былъ навѣрное пройти чрезъ кругъ его.... Впослѣдствіи мы узнали, что въ Обдорскѣ, также какъ и въ Березовѣ, въ назначенное время небо было закрыто тучами. Въ предшествовавшій день и во всю ночь дулъ въ этихъ мѣстахъ чрезвычайно сильный вѣтеръ и шелъ снѣгъ, который пересталъ только утромъ, послѣ того, какъ было надобно производить наблюденіе. Это заставляетъ предполагать, что это соединеніе планеты съ солнцемъ принесло дурную погоду, и что въ другой разъ не слѣдуетъ довольствоваться одними астрономическими исчисленіями, но прежде чѣмъ предпринимать такую дальную поѣздку въ надеждѣ на ясное небо, совѣтываться также съ астрологическими предсказаніями (*). Какъ бы то ни было, это наблюденіе не было единственною цѣлью путешествія, и я съ тѣмъ бо̀льшимъ стараніемъ принялся за наблюденія другаго рода, какія возможно было дѣлать, чтобы съ бо̀льшею пользою употребить сдѣланныя на путешествіе издержки и совершенно оправдать благосклонное расположеніе и виды великихъ покровителей, которыхъ науки имѣютъ въ Россіи. Думаю, что въ этомъ я успѣлъ болѣе, чѣмъ предполагалъ сначала, и это побудило меня взять смѣлость писать частнымъ образомъ къ его превосходительству графу Остерману и другимъ двумъ министрамъ Кабинета. Предметъ довольно важенъ, потому что

(*) Отсюда видно, что нашъ астрономъ не былъ чуждъ астрологическихъ предразсудковъ, или, покрайней мѣрѣ, показывалъ видъ, что вѣритъ имъ. Ср. Записки Геогр. Общ. III, 1849, стр. 65.

касается того, чтобы необходимыя для исправленія всѣхъ картъ Россіи астрономическія наблюденія долготъ получать въ срокъ, гораздо кратчайшій противъ того, въ который могли это дѣлать донынѣ. Вы знаете, милостивый государь, что я взялъ съ собою въ путешествіе новый инструментъ, сдѣланный въ Англіи, и которымъ меня ссудилъ г. оберъ-гофмейстеръ графъ Левенвольде (*). Этотъ инструментъ предназначался только для повѣрки часовъ карманныхъ и съ маятниками по солнцу, которое наблюдается отъ времени до времени въ полдень. Но, замѣтивъ, что этотъ же самый инструментъ могъ служить для наблюденій прохожденія луны и всѣхъ звѣздъ чрезъ меридіанъ, я догадался, что во время путешествія имъ можно удобно пользоваться для опредѣленія долготъ по наблюденіямъ надъ луною и при томъ во всякое время, не ожидая затмѣній спутниковъ Юпитера, солнца, луны, или другихъ какихъ нибудь покрытій (ou d'autres accultations quelquonques), которыми пользовались до сихъ поръ въ этомъ случаѣ, и которыя слишкомъ рѣдки, чтобы удовлетворять потребностямъ такой обширной имперіи. Оставалось только испытать, до какой степени точности могли достигать съ этимъ инструментомъ астрономическія опредѣленія долготъ, къ чему я и приступилъ въ Березовѣ и имѣлъ удовольствіе убѣдиться, что инструментъ очень удовлетворителенъ. Если сдѣлать въ немъ нѣкоторыя измѣненія, что я не премину сдѣлать по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, то ничего не останется желать лучшаго для предположенной цѣли»....

Когда путешественники были готовы къ отъѣзду изъ Березова, то мѣстныя власти, по русскому обычаю, прислали имъ на дорогу множество припасовъ, скоромныхъ и постныхъ пироговъ, хлѣба, пива и т. п. «Наконецъ, писалъ Делиль къ своей женѣ, мы выѣхали изъ этого города 2 іюня (по н. ст.). Когда отвалили отъ берега, то у насъ сдѣлали залпъ изъ всей нашей артиллеріи въ знакъ прощанія съ Березовымъ, который

(*) Инструментъ Левенвольда, по свидѣтельству В. Я. Струве, «былъ ничто иное, какъ пассажный снарядъ съ тремя вертикальными нитями въ фокусѣ и съ уровнемъ съ воздушнымъ пузырькомъ, вѣроятно, работы знаменитаго Грегама въ Лондонѣ... Употребленіе пассажнаго инструмента, устроеннаго, какъ меридіанная труба, кромѣ Англіи, сдѣлалось общимъ послѣ 1760 года.» Записки Геогр. Общ. III. 1849, стр. 60.

не думаемъ снова увидать скоро. Такъ какъ я узналъ, что гг. Миллеръ и Гмелинъ (академики, бывшіе въ другой сибирской экспедиціи) должны пріѣхать въ Березовъ, то я поручилъ воеводѣ не трогать обсерваторіи до ихъ пріѣзда и показать имъ тамъ мою записку, привязанную на доскѣ, на которой я начертилъ меридіанъ. Въ запискѣ я просилъ ихъ повѣрить свои компасы, чтобы видѣть, найдутъ ли онѣ то же склоненіе, какое замѣтилъ я въ своемъ. Я имѣлъ счастіе достать въ Березовѣ мамонтову кость, подаренную мнѣ воеводою, также пріобрѣсти покупкою нѣсколько зубовъ этого изумительнаго животнаго. Одинъ изъ этихъ зубовъ сохранился не вполнѣ, но вѣситъ болѣе ста ливровъ и въ діаметрѣ болѣе, чѣмъ полъ фута. Воевода же подарилъ мнѣ живаго, хорошенькаго звѣрка, котораго надѣюсь довести до Петербурга — это маленькій самецъ, по русски горностай. Я никогда не видѣлъ такого рѣзваго животнаго: бѣлки ничто въ сравненіи съ нимъ. Его надо привязывать, безъ чего онъ потеряется. Я нашелъ удобное помѣщеніе ему въ одномъ изъ моихъ мѣховыхъ чулковъ (chausson), гдѣ звѣрекъ проводитъ почти весь день въ спаньѣ. Впрочемъ онъ на столько сдѣлался ручнымъ, что уже играетъ со мною; питается же только сырою рыбою и преимущественно щукою. У него животъ и лапки бѣлой и мягкой шерсти, какъ у всѣхъ горностаевъ, кончикъ хвоста, какъ вы знаете, черный; спина и верхняя часть головы теперь красноватыя, но говорятъ, что зимою онѣ будутъ совсѣмъ бѣлыя. Хотя этотъ горностай очень невеликъ, однако храбръ и неустрашимъ: не боится самыхъ большихъ въ сравненіи съ нимъ животныхъ, отъ которыхъ въ состояніи защищаться своею ловкостью. Попался онъ довольно удивительнымъ случаемъ: его схватилъ воронъ и поднялъ уже на воздухъ, гдѣ горностай такъ удачно вступилъ въ борьбу, что вцѣпился ворону въ горло, задушилъ его и упалъ, не покидая своей добычи, въ барку, которая плыла по рѣкѣ»....

Переѣздъ до Тобольска экспедиція совершила сначала вверхъ по Оби, а потомъ по Иртышу на дощаникѣ, или осетринѣ. «Это, писалъ Делиль къ женѣ, большое, длинное и плоское судно такихъ размѣровъ, что въ немъ можно было устроить для меня собственно комнату въ 13 футовъ длины и въ 10 ширины. Тамъ

у меня довольно мѣста для двухъ столовъ, постели, лавокъ и моихъ сундуковъ; все неудобство только въ томъ, что высота потолка сдѣлана на вашъ ростъ, и, не наклонивъ головы, мнѣ нельзя стоять. Всѣ остальныя имѣютъ соотвѣтствующія помѣщенія.... (Слѣдуетъ за тѣмъ подробное описаніе всѣхъ припасовъ, которые взяты изъ Березова путешественниками въ большомъ количествѣ, потому что переѣздъ былъ долгій). Плаваніе до сихъ поръ (писано не въ далекѣ отъ Демьяновскаго яма на Иртышѣ) было очень счастливо, и оно не можетъ быть опасно на такомъ суднѣ, какъ наше. Какъ бы оно ни шло, въ немъ такъ покойно, что не замѣчаешь вовсе его хода, и я могу, сидя за моимъ столомъ, писать и дѣлать вычисленія, какъ будто въ Петербургѣ. Въ такомъ скучномъ плаваніи, для меня было величайшимъ удовольствіемъ то, что я могъ быть одинъ и работать въ моей комнатѣ надъ вычисленіями. Мишель (Грёнингъ) все это время былъ занятъ переводами бумагъ моей канцеляріи, а г. Кёнигсфельдъ—рисованіемъ и составленіемъ замѣтокъ, составляемыхъ имъ о нашемъ путешествіи. Что же касается до русскихъ, принадлежащихъ къ нашему обществу, то, я думаю, они проводятъ время только въ спаньѣ.

«Для сплава нашего судна изъ Березова, отпущено съ нами тридцать пять казаковъ: изъ нихъ одна половина работаетъ, а другая отдыхаетъ, чтобы не останавливаться ни днемъ, ни ночью.

«У насъ на суднѣ, на всякій случай, есть парусъ и весла; по рѣкѣ, гдѣ она не очень глубока, плывутъ при помощи шестовъ, но чаще всего люди тянутъ бичевой по берегу, а когда это невозможно, то судно подвигается при помощи каната, прикрѣпленнаго къ якорю. Послѣдній крѣпко закидывается на дно, и его необходимо вынимать каждый разъ для переноски далѣе. Этими различными способами мы, въ одинадцать дней, достигли Самаровскаго яма, гдѣ простояли только два дня. Однако я велѣлъ устроить на небольшомъ возвышеніи обсерваторію, гдѣ насъ ужасно безпокоили комары. Забавно было смотрѣть на эту, сдѣланную изъ рогожъ обсерваторію: въ ней было поставлено три горшка съ лошадинымъ пометомъ, который жгли, чтобы отгонять комаровъ дымомъ. Только при помощи подобныхъ

курильницъ (cassolettes), стоявшихъ у насъ подъ носомъ во время наблюденій, мы могли оставаться тамъ (*)... Комары не перестаютъ жестоко насъ мучить на дощаникѣ и днемъ и ночью. При первомъ проѣздѣ чрезъ Тобольскъ, насъ предупредили о томъ, почему каждый запасся тамъ чѣмъ-то въ родѣ женскаго головнаго убора (d'une espèce de bagnolette), который покупается какъ мужчинами, такъ и женщинами. Уборъ этотъ спереди закрывается сѣткою изъ конскаго волоса, что препятствуетъ комарамъ кусать вамъ лицо. Сквозь нея достаточно видно, чтобы ходить, читать и писать; если на руки надѣть еще перчатки, то можно противостоять комарамъ, но чрезвычайно неудобно долго оставаться въ такомъ одѣяніи во время самыхъ сильныхъ лѣтнихъ жаровъ и быть вынуждену проводить въ немъ и ночь.»

У Самарова Делиль встрѣтилъ вторично адъюнкта нашей Академіи Фишера (**), который впослѣдствіи издалъ «Sibirische Geschichte» 1768, переведенную и по русски 1774, и оставилъ въ рукописи Historisch geographisches Lexicon von Sibirien и Noctes petropolitanae. Онъ былъ командированъ въ другую ученую экспедицію, которая, какъ уже было замѣчено, давно была въ Сибири и состояла изъ членовъ петербургской Академіи Наукъ. Изъ послѣднихъ братъ нашего астронома, Людовикъ Делиль де-ла-Кройеръ въ это путешествіе даже женился въ Сибири. Вмѣстѣ съ Фишеромъ ѣхала родная сестра также упомянутой выше, графини Санти, Анастасья Петровна, рожденная Татаринова, вдова Петрова (о немъ см. выше стр. 12). Ее Кёнигсфельдъ въ своемъ дневникѣ называетъ la belle

(*) Въ дневникѣ Кенигсфельда подъ 2 іюнемъ находятся слѣдующія подробности о наблюденіяхъ въ этой обсерваторіи: «вечеромъ, г. профессоръ Делиль взялъ тамъ высоту солнца, а на слѣдующій день утромъ продолжали дѣлать соотвѣтственныя наблюденія и въ тоже время опредѣляли истинный часъ полуночи. 3 іюня мы наблюдали высоту солнца = 37°, 25′, 30″ и, по вычисленіи, нашли, что высота полюса = 60°, 56′, 15″. Около полуночи хотѣли было при помощи англійскаго инструмента взять высоту Арктура и его прохожденіе чрезъ меридіанъ, при помощи англійскаго инструмента, но погода стояла облачная.»

(**) Въ первый разъ они встрѣтились въ мартѣ 1740 г. на дорогѣ изъ Москвы къ Тобольску.

*

woiewodine, и отъ нея-то Делиль узналъ, что братъ его женатъ также на Татариновой, двоюродной теткѣ двухъ предъидущихъ (*).

За русской деревнею Сленкиной (Slenkina), начинаютъ попадаться татары. 21 іюня ввечеру, Кёнигсфельдъ отправился въ лодкѣ къ лѣтнимъ кочевьямъ карымскихъ татаръ (aux jurtes tartares karimski), съ намѣреніемъ посмотрѣть ихъ кибитки, тѣмъ болѣе, что въ тотъ день было ихъ воскресенье, т. е. пятница. Пріѣхавъ на берегъ, путешественники увидѣли празднество у одного богатаго татарина. Въ первой комнатѣ, похожей на амфитеатръ, находилось пять татарскихъ женщинъ и дѣвушекъ, одѣтыхъ въ различныя шерстяныя матеріи голубыя съ цвѣтами; на головахъ же были разноцвѣтныя шапки (bonnets de diverses couleurs). Выходя, онѣ внимательно осматривали чужеземцевъ, что дѣлали и тѣ съ своей стороны. Женщины и дѣвушки носятъ подъ длинными платьями широкія шаравары, спускающіяся до пятокъ. У мужчинъ подъ шапками зеленыя или фіолетовыя тюбетейки, которыя ни передъ кѣмъ не снимаютъ. Татары спокойно занимались куреніемъ табаку изъ маленькихъ мѣдныхъ трубокъ. Какъ женщины, такъ и мужчины пили напитокъ, приготовленный съ небольшою примѣсью водки, что противно основному постановленію магометанскаго закона. Когда солнце сѣло, то наступилъ у нихъ часъ молитвы. Кёнигсфельду хотѣлось при томъ присутствовать, но мечеть была по ту сторону рѣки въ зимнихъ карымскихъ юртахъ, почему татары принуждены были отправить моленіе частнымъ образомъ. Абызъ (**), или татарскій священникъ (sic), началъ съ того, что сталъ на колѣни на берегу Иртыша лицомъ къ Югу. Поднявшись потомъ, онъ прочелъ нѣсколько молитвъ, опять сталъ на колѣни, наконецъ палъ ницъ на землю и нѣкоторое время оставался въ такомъ положеніи.

(*) Изъ разсказовъ Анастасьи Петровны Петровой видно, что отецъ ихъ Петръ Ивановичъ Татариновъ былъ секретаремъ въ Иркутскѣ; младшая дочь его, Улита Петровна была замужемъ за Иваномъ Степановичемъ Свистуновымъ, бывшимъ въ камчатской экспедиціи съ капитаномъ Шпанбергомъ, а вторая вышла за гр. Санти въ 1733 г. въ Иркутскѣ, а не въ Москвѣ, какъ было записано прежде у Делиля (см. выше стр. 12).

(**) О словѣ Абызъ см. акад. Вельяминова-Зернова Изслѣд. о касимовскихъ царяхъ, II, 445.

Къ этому абызѣ присоединился другой татаринъ, хозяинъ дома, куда всѣ были приглашены. Вотъ какъ онъ приготовился къ молитвѣ: подошедъ къ берегу рѣки, развязалъ свои широкія шаравары, вымылъ себѣ заднюю часть тѣла, руки, лицо и потомъ приблизился къ первому для молитвы. Оба сбросили свои туфли за нѣсколько шаговъ отъ себя и стали молиться въ однихъ сапогахъ изъ бычачьей кожи, безъ каблуковъ, съ покрытыми головами. Болѣе получаса длилась эта молитва съ особеннымъ благоговѣніемъ, не смотря на то, что иноземцы окружали ихъ. Кёнигсфельду показалось, что абыза часто повторялъ Ieschowa Ellay, что значитъ Kyrie Elleison mou, или аминь. Они произносили и тогда, когда стояли другъ противъ друга на колѣняхъ, одинъ, обращенный къ Сѣверу съ руками, опущенными внизъ, другой — къ Югу, съ поднятыми вверхъ. Между тѣмъ женщины, которыя никогда не смѣютъ входить въ мечети, молились въ домѣ отдѣльно. Онѣ выходятъ замужъ, когда достигаютъ тринадцати лѣтъ. Если родится дочь, то ей тотчасъ же дается имя. Мальчики обрѣзываются пяти лѣтъ; впрочемъ этотъ обрядъ можетъ быть отлагаемъ и до пятнадцатилѣтняго возраста. Если они умираютъ необрѣзанными ранѣе этого возраста, то считаются еще спасенными, но отлагать далѣе и умереть необрѣзаннымъ есть грѣхъ, и такой человѣкъ никогда не попадетъ въ рай Магомета. Вообще татары очень гостепріимны и разговорчивы. Изъ всѣхъ ихъ, по замѣчанію Кёнигсфельда, тобольскіе наиболѣе вѣжливы и образованны.

Делиль также видѣлъ издали моленіе татаръ и, какъ истый католикъ, стало быть охотникъ до пропаганды, дѣлаетъ при томъ такія размышленія: «я издали съ нашей барки смотрѣлъ на муллу и чрезвычайно огорчался ослѣпленію этихъ бѣдныхъ людей. Въ тайнѣ мнѣ было также жаль Россію, что она лишена еще возможности обратить въ христіанство столько подвластныхъ ей народовъ. Татары были коренные обитатели этой страны и владѣли ею, когда русскіе сюда проникли. Главнымъ городомъ у нихъ былъ Sibir, который повидимому далъ имя всей Сибири. Это мѣсто теперь разрушено и находится въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Тобольска, на правомъ берегу Иртыша»...

23 іюня, въ 2 часа по полудни, Делиль съ своими спутни-

ками достигъ Тобольска, пробывъ въ дорогѣ изъ Березова одинъ мѣсяцъ и двадцать часовъ.

Путешественники поднялись въ замокъ по лѣстницѣ въ 270 ступеней, съ площадками и скамейками. Она выстроена въ высокой горѣ, по распоряженію князя Черкаскаго, министра кабинета, бывшаго прежде губернаторомъ въ Тобольскѣ. Делиль, посѣтилъ губернатора Бутурлина, осматривалъ потомъ замокъ, столько же прекрасный, сколько и обширный. Надъ могилою митрополита Антонія уже былъ сооруженъ памятникъ. Оттуда путешественники пошли смотрѣть колодецъ, вырытый въ горѣ шведскими военноплѣнными по составленному ими же плану. Ледъ тамъ держался даже среди лѣта, и путешественники видѣли одно ведро замерзнувшимъ, такъ что его трудно было вытянуть вверхъ. Машина состояла изъ колеса, приводимаго въ движеніе, изъ вала и двухъ колесъ, которые попеременно поднимаютъ ведры. Покойный митрополитъ заставлялъ медвѣдей вертѣть первое колесо.

24 іюня въ полдень было наблюдаемо разстояніе солнца отъ зенита; помощію четверти круга (квадранта), оно найдено равнымъ 35°, 7′, 30″, изъ чего была вычислена высота полюса въ Тобольскѣ и найдена = 58°, 12′, 34″, что совершенно согласовалось съ наблюденіемъ Делиля де-ла-Кройера, сдѣланнымъ въ 1733 и 34 годахъ: разница между меридіанами Петербурга и Тобольска была имъ найдена=2 часамъ, 32′, 0″

26 іюня путешественники окончательно перебрались съ дощанника на квартиры. Онѣ были имъ указаны тобольскимъ полицеймейстеромъ Иваномъ Ивановичемъ Строевымъ. «Онъ прежде былъ, по словамъ Кёнигсфельда, придворнымъ мундшенкомъ (échanson de la cour), но потомъ его послали сюда, вслѣдствіе прикосновенности къ одному дѣлу. По добротѣ губернатора, Строеву дана должность полицеймейстера» (*). Хи-

(*) Въ первые годы царствованія Анны Іоанновны, по распоряженію ея, производилось дознаніе о мундшенкѣ Строевѣ, заподозрѣнномъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Дворомъ цесаревны Елизаветы Петровны. Строевъ показывалъ въ тайной канцеляріи, что цесаревна крестила у него дѣтей, почему онъ и ходилъ къ ней во дворецъ на поклонъ. Сверхъ того, ему былъ короткой пріятель пѣвчій изъ малороссовъ Яковъ Тарасевичъ, который пользовался одно время расположеніемъ цесаревны. Въ тайной канцеляріи допытывались

ургъ Гольцъ показывалъ Кёнигсфельду школу, основанную въ Тобольскѣ шведскими плѣнными. Здѣсь молодежь обучалась чтенію, письму, ариометикѣ, началамъ геометріи и ружейнымъ пріемамъ. Кёнигсфельдъ нашелъ пикетъ, составленный изъ солдатъ-школьниковъ, и цѣлую гвардію съ барабаномъ, но съ деревянными ружьями и алебардами. Недалеко отъ школы виднѣлся мостъ чрезъ рѣку Курдюмку. Жители Тобольска вѣрили, что пьющіе воду изъ этой рѣки усвоиваютъ себѣ всѣ свойства сибиряковъ (?).

30 іюня, путешественники посѣтили преосвященнаго Іоаникія, который послѣ смерти митрополита Антонія заступилъ его мѣсто. Этотъ духовный прекрасно принялъ гостей и показывалъ имъ свою библіотеку. Въ ней было болѣе ста томовъ всякаго рода книгъ историческихъ и богословскихъ, всё рукописныхъ русскихъ и нѣсколько печатныхъ экземпляровъ на славянскомъ языкѣ, также множество волюмовъ рукописей, содержащихъ въ себѣ жизнеописанія нѣтоторыхъ русскихъ святыхъ. Потомъ хозяинъ провелъ гостей чрезъ садъ къ паперти (avenue) соборной церкви, гдѣ хранился, по словамъ его, рогъ мамонта. Дѣйствительно, кость была такъ велика, что скорѣе походила на рогъ, чѣмъ на зубъ; тамъ же находилось множество другихъ костей этого животнаго необычайной величины. Кёнигсфельдъ не видалъ ни клыковъ, ни роговъ на головѣ его скелета, но на верхней челюсти замѣтилъ зубныя ячейки, гдѣ надлежало быть зубамъ, подобно тому, какъ они бываютъ у слоновъ-самцовъ. Тамъ же хранилась цѣлая голова съ нижнею челюстью и коренными зубами, находившимися въ ихъ ячейкахъ. Делиль думалъ, что эта голова должна принадлежать гипопотаму, такъ какъ была очень мала сравнительно съ остальными костями. Впрочемъ съ виду она очень походила на слоновью посредственной величины. Наконецъ, тамъ же путешественники видѣли рога и кости буйвола, слывущаго въ Сибири за величайшую рѣдкость. На оштукатуренной

отъ Строева о разговорахъ его и пѣвчаго, когда они бывали вмѣстѣ съ цесаревною. Хотя его и наказывали батогами, однако онъ ничего не открылъ, и его послали въ ссылку въ Тобольскъ въ декабрѣ 1734 г. Во время правленія Анны Леопольдовны, именно 18 ноября 1740 г., Строевъ былъ возвращенъ изъ Сибири.

стѣнѣ паперти храма была изображена вся карта св. земли, въ большихъ размѣрахъ и раскрашенная различными красками. Этотъ родъ живописи есть сибирскія фрески, которыя производили, по словамъ Кёнигсфельда, прекрасный эффектъ. При прощаніи, любознательный духовный разсказалъ, что въ 1739 году, одинъ сибирскій купецъ, по имени Fugla (?), нашелъ въ окрестностяхъ Енисейска цѣлую голову мамонта, изумительной величины. Этотъ человѣкъ былъ извѣстенъ тогдашнему Тобольску своею чрезвычайною силою, потому что боролся однажды съ бѣлымъ медвѣдемъ, схватившимъ его, когда онъ черпалъ воду. Этотъ сибирскій геркулесъ убилъ медвѣдя, снялъ съ него кожу и показывалъ ее бывшему губернатору Плещееву. Однако разъяренное животное успѣло, прежде чѣмъ купецъ опомнился, вырвать у него мягкія части тѣла назади (les fesses). Кёнигсфельдъ нѣсколько разъ потомъ бывалъ у Іоаникія. Такъ 2 іюля, онъ приподнесъ ему карту театра военныхъ дѣйствій съ Турціею и описаніе на русскомъ языкѣ всеобщихъ часовъ Исаака Брюкнера. Подарки эти были приняты съ признательностью, и, въ отплату за нихъ, Кёнигсфельдъ получилъ китайскаго чая. Іоаникій просилъ привезти ему Ньютонову трубу, чтобы посмотрѣть на луну и спутниковъ Юпитера, о которыхъ онъ слыхалъ, но которыхъ никогда не имѣлъ случая видѣть. Кёнигсфельдъ не могъ показать ему планетъ за облачнымъ небомъ, но за то возилъ въ монастырь грегоріанскую земную трубу. Въ нее, къ величайшему удовольствію благодушнаго старика, видны были ясно многія отдаленныя мѣста за Тобольскомъ.

Въ продолженіи іюля и до половины августа, жары въ Тобольскѣ были такъ сильны, что Кёнигсфельдъ потерялъ вовсе охоту къ ѣдѣ и питался однимъ китайскимъ чаемъ, который здѣсь былъ превосходный. По случаю жаровъ, лавки въ городѣ открывались только по окончаніи вечеренъ: послѣ обѣда, съ 11 часовъ утра до 3 пополудни, всѣ жители за исключеніемъ слугъ отдыхали (faisoient la méridienne). Кёнигсфельдъ ходилъ къ одному купцу, имѣвшему значительный торгъ съ китайцами на русской границѣ въ Кяхтѣ. У него былъ хорошій запасъ китайскаго фарфора, также китайская живопись на бу-

магѣ, столь тонкой, что ее можно было принять за газъ. Одна картина была четыре аршина въ длину и три — въ ширину и изображала аудіенцію калмыцкихъ хановъ у китайскаго императора. Первые были нарисованы колѣнопреклоненными и съ опущенными внизъ глазами. Съ обѣихъ сторонъ стояли придворные и мандарины, а около ступеней трона музыканты богдыхана. Кромѣ того, купецъ показывалъ разныя китайскія вещи, состоявшія частію изъ картинъ, частію изъ фарфора и вещей изъ позолоченной мѣди.

6 іюля, Кёнигсфельдъ съ нѣкоторыми изъ своихъ спутниковъ, ѣздилъ въ Заболоцкъ, или Абалацкъ, мѣсто жительства знаменитаго татарина, по имени Абала, имѣвшаго свое войско, а потомъ въ старую Сибирку. Первое мѣсто расположено на Сѣверо-Востокѣ на горахъ, идущихъ отъ самого Тобольска. Тамъ была большая каменная церковь, построенная четвероугольникомъ съ четырьмя куполами; позади ея, на площади, необнесенной палисадами, стоялъ домъ, гдѣ содержались подъ стражею нѣкоторые заключенные.... На этомъ мѣстѣ еще виднѣлись кое какія развалины стариннаго татарскаго городка, построеннаго древними ханами изъ рода Кучума, также множество могилъ и глиняныхъ обломковъ. Вблизи отсюда, внизу яра, впадаетъ въ Иртышъ рѣка Старая Сибирка, отъ которой прежде, по мнѣнію Кенигсфельда, получилъ городъ свое названіе. Рѣка эта не велика, но берега ея возвышаются отъ 30 до 40 тоазовъ.

8 іюля, въ Тобольскѣ былъ праздникъ св. Прокопія. Главная церемонія состояла въ церковномъ ходѣ, въ которомъ носили вокругъ замка иконы богородицы и другихъ святыхъ, со множествомъ зажженныхъ свѣчъ. Эта же самая икона, 6 іюля утромъ, была уже носима съ величайшимъ благоговѣніемъ и въ сопровожденіи многихъ тысячъ людей въ Преображенское село, въ трехъ верстахъ отъ Абалацка. Здѣсь образъ оставался всю ночь и была отправлена заутреня. Количество находившихся при томъ женщинъ и дѣвушекъ, разодѣтыхъ въ шелкъ и нарумяненныхъ, было такъ велико, что Кёнигсфельдъ считалъ, что на сто мущинъ приходилось по крайней мѣрѣ тысяча

женщинъ. Это мѣсто было рѣшительно сборищемъ всего Тобольска. Тоже самое происходило и въ Ивановскомъ монастырѣ, въ семи верстахъ отъ Тобольска, гдѣ провела ночь икона богородицы на 7 іюля и гдѣ забавлялись тѣ, которые ее сопровождали. 8 числа, въ восемь часовъ утра, таже икона была принесена въ соборъ на носилкахъ почетнѣйшими изъ тобольскихъ жителей. Въ полдень, женщины и дѣвушки веселились на зелени близъ земляныхъ укрѣпленій Тобольска.

Кёнигсфельдъ успѣлъ познакомиться съ однимъ человѣкомъ, жившимъ долгое время въ Иркутскѣ и Якутскѣ. Человѣкъ этотъ былъ любознателенъ и имѣлъ потому свѣдѣнія о тамошнихъ народахъ и ихъ прорицателяхъ шаманахъ. Онъ, между прочимъ освѣдомлялся у инородцевъ, вѣрятъ ли они въ какого нибудь Бога и почему поклоняются шайтану? На первый вопросъ одинъ шаманъ отвѣчалъ, что имъ очень хорошо извѣстно о существованіи Бога, и они признаютъ его таковымъ, но не оставляютъ поклоненія шайтану изъ опасенія, чтобы онъ, согласно своимъ угрозамъ, не губилъ ихъ быковъ, лошадей, барановъ и всѣхъ домашнихъ животныхъ. Онъ является имъ всегда съ однимъ глазомъ, на тотъ конецъ, какъ говоритъ онъ имъ, чтобы ихъ не обманулъ какой нибудь человѣкъ. За тѣмъ, на вопросъ шаману: почему два существа Богъ и шайтанъ не могутъ жить вмѣстѣ? тотъ отвѣчалъ, что онъ объ этомъ спроситъ шайтана, и потомъ передалъ слѣдующее повѣствованіе: Богъ находится превыше солнца, луны и звѣздъ, тамъ, гдѣ нѣтъ воздуха. Шайтану не могло нравиться величіе божіе, и онъ во всемъ противорѣчилъ ему, почему и былъ сосланъ на землю, въ срединѣ которой живетъ и старается, для своего удовольствія, привлекать къ себѣ людей и показывать свою власть, когда приносятъ ему жертвы.

Обряды жертвоприношенія шайтану, или дьяволу, заключаются въ слѣдующемъ: якуты ловятъ разъяреннаго быка, связываютъ у него ремнями только переднія и заднія ноги, также шею, и потомъ оставляютъ его въ покоѣ. Тогда шаманъ начинаетъ ударять въ цимбалы и произноситъ нѣсколько словъ тихимъ голосомъ. Быкъ вдругъ начинаетъ протягивать ноги и видно явственно, что онѣ у него переломлены,

и онъ падаетъ на землю, гдѣ и остается въ продолженіи получаса. Его осматриваютъ, точно ли онъ умеръ и потомъ рѣшаютъ, была ли угодна жертва шайтану? Когда приносимый въ жертву быкъ умираетъ скоро, то жертвоприносители подходятъ и сдираютъ съ него шкуру, которую и вѣшаютъ у своей юрты на приготовленной для того жерди. Мясо съѣдается присутствующими при обрядѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ распивается принесенная водка. По окончаніи ѣды, начинаются предсказанія шамана, потому, какъ якуты полагаютъ, что шайтанъ лучше расположенъ послѣ жертвы. Это происходитъ такимъ образомъ: разводятъ большой огонь подъ самымъ входомъ въ юрту, а между тѣмъ, какъ якуты занимаются этимъ, шаманъ одѣвается въ платье, все покрытое желѣзками (de feraille) и, послѣ сильнаго ударенія въ цимбалъ, произноситъ нѣсколько таинственныхъ словъ тихимъ и хриплымъ голосомъ. Немного времени спустя, шаманъ устремляется съ своимъ цимбаломъ вонъ изъ юрты чрезъ входъ, скачетъ съ цимбаломъ въ рукѣ, ударяя по немъ, до тѣхъ поръ, пока не падаетъ въ огонь, который палитъ его снизу. Тогда окружающіе якуты, а также собравшіеся для узнанія будущаго вопрошаютъ изступленнаго шамана и вытаскиваютъ его изъ огня, иначе онъ бы долженъ былъ непремѣнно сгорѣть. «Изъ этого, прибавляетъ наивно Кёнигсфельдъ, можно видѣть хитрость дьявола и то, какъ мучитъ онъ этихъ несчастныхъ, ослѣпленныхъ идолопоклонниковъ.» То же лицо серьезно разсказывало потомъ Кёнигсфельду, что не только мужчины, но и старыя женщины принимаютъ участіе въ такихъ колдовствахъ. Однажды разскащикъ видѣлъ одну изъ такихъ шаманихъ (названіе это стоитъ и во французской рукописи) или колдуней, ѣхавшую верхомъ на большомъ быкѣ. Ея волосы черные, какъ уголь, были заплетены въ косы и въ нихъ она вплела еще лошадиный хвостъ. Вся она сверху до низу была разукрашена мѣдными кольцами и погремушками на палецъ другъ отъ друга. Шаманиха вошла въ юрту, гдѣ остановилось нѣсколько русскихъ купцовъ, и была прекрасно принята находившимися тамъ якутами. Тотчасъ развели поболѣе огня въ комелькѣ и разскащикъ, приблизившись къ колдуньѣ, спрашивалъ ее, что случится съ нимъ въ будущемъ? Она предска-

зала то, что потомъ дѣйствительно исполнилось, именно, что море ему принесетъ очень много горя, однако онъ не погибнетъ, хотя съ другой стороны подвергнется многимъ напастямъ. Все это, по простодушному вѣрованію разскащика, точно съ нимъ и случилось. Когда наступила ночь, то шаманиха разлеглась на постланной на землѣ соломенной рогожѣ, съ намѣреніемъ отдохнуть. Когда всѣ заснули, то она принялась кричать такъ страшно, что всѣ вообразили, что реветъ самъ дьяволъ, и пришли отъ того въ ужасъ. Между тѣмъ колдунья, какъ стрѣла изъ лука, кинулась на своего быка, поскакала прочь съ быстротою вѣтра и въ одно мгновеніе пропала изъ глазъ всѣхъ присутствующихъ.

Кёнигсфельдъ сошелся также въ Тобольскѣ съ однимъ татариномъ Габисъ-Алимомъ. Слово алимъ, по объясненію нашего путешественника, значитъ pansophos, т. е. человѣкъ, владѣющій всѣми знаніями. Многіе изъ татаръ носятъ такой громкій титулъ. Ученый татаринъ толковалъ Кёнигсфельду разныя подробности, касающіяся татарскаго языка, и списалъ многія мѣста изъ рукописей, которыми ссужалъ путешественника. Послѣдній угощалъ его bacun (?) и чаемъ, приготовленнымъ по татарски. Однажды солнце уже сѣло, и поздно было Алиму отправляться въ мечеть, которая была довольно далеко. Однако это не помѣшало ему совершить вечернюю молитву; вставъ на ступени задняго крыльца дома, гдѣ жилъ Кёнигсфельдъ, онъ обратился лицомъ къ полудню и благоговѣйно молился, нисколько не стѣсняясь тѣмъ, что иноземецъ смотрѣлъ и любовался на почтеннаго старика съ сѣдою бородою. Въ другой разъ, онъ принесъ ему въ подарокъ арабскую рукопись въ четверку, заключавшую въ себѣ дѣянія нашего Спасителя. Онъ ее передалъ, какъ очень любопытную, потому что узналъ, что Кёнигсфельдъ его же (т. е. Спасителя) вѣры, т. е. христіанинъ. У этого старика была еще другая интересная рукопись: въ ней излагалась татарская астрономія, съ раскрашенными буквами и изображеніями, и было нѣчто о теченіи времени. Но хозяинъ цѣнилъ ее очень дорого, почему Кёнигсфельдъ и былъ лишенъ возможности пріобрѣсти ее. Впрочемъ эта рукопись попала въ хорошія руки—ее купилъ Делиль. Касательно

содержанія книги Алимъ разсказывалъ, что по татарскому счисленію міръ существовалъ прежде Адама 620.960 лѣтъ, и что съ Адама до нашего времени прошло около 7000 лѣтъ, что̀ довольно согласуется съ русскимъ счисленіемъ, или скорѣе греческимъ, ибо, замѣчаетъ Кёнигсфельдъ, греки считаютъ 7248 лѣтъ со времени сотворенія свѣта.

Подъ 16 іюлемъ у Кёнигсфельда записано: «вчера распространился слухъ, что княгиня Долгорукова, рожденная графиня Шереметьева, прибыла на дощаникѣ къ Сургуту въ семи верстахъ отъ Тобольска. Всѣ знатнѣйшія дамы отправились въ носилкахъ (en chaises) и каретахъ на встрѣчу, чтобы проводить ее до города; но княгиня, принявъ ихъ привѣтствія, рѣшилась лучше остаться на своемъ дощаникѣ и пріѣхать въ Тобольскъ на слѣдующее утро въ 2 часа. Здѣсь она остановилась, и день былъ проведенъ въ отдачѣ посѣщеній». Это извѣстіе въ томъ отношеніи любопытно, что опровергаетъ свѣдѣнія всѣхъ печатныхъ сказаній о княгинѣ Натальѣ Борисовнѣ, оставившей записки о своихъ несчастіяхъ, что будто бы она возвращена изъ Березова только послѣ восшествія на престолъ императрицы Елисаветы. Теперь оказывается, что она получила свободу еще при жизни Анны Іоанновны. Дѣйствительно за подписаніемъ этой государыни сохранилось слѣдующее повелѣніе:

«Указъ въ нашу тайную канцелярію. Всемилостивѣйше пожаловали мы князь Ивана Алексѣева сына Долгорукова жену съ дѣтьми и со всѣми ея пожитками указали (sic) отпустить въ домъ къ брату ея и повелѣваемъ нашей тайной канцеляріи учинить по сему нашему указу. Анна. Апрѣля 26 дня 1740 года».

Милость эту къ княгинѣ Натальѣ Борисовнѣ слѣдуетъ приписать только вліянію братьевъ ея, графовъ Шереметьевыхъ, извѣстныхъ своею знатностью и богатствами, потому что и послѣ ея освобожденія гоненія на Долгоруковыхъ не прекратились. Послѣ казни фаворита императора Петра II князя Ивана Алексѣевича Долгорукова остались братья и сестры. Самый младшій изъ нихъ кн. Алексѣй оставался въ 1740 г. въ Березовѣ вмѣстѣ съ сестрами. 23 сентября того же

года, согласно мнѣнію Остермана и Ушакова, было представлено императрицѣ Аннѣ: сейчасъ помянутаго князя Алексѣя написать въ матросы въ камчатскую экспедицію, а сестеръ его Екатерину, Елену и Анну послать въ дальніе сибирскіе монастыри и тамъ постричь. Что касается до двухъ старшихъ братьевъ ихъ, князей Александра и Николая, которые содержались подъ стражею въ Вологдѣ, то они были приговорены — первый за то, что въ разговорѣ съ братомъ кн. Иваномъ называлъ императрицу шведкою и т. п., а второй за недонесеніе о томъ (*),—къ наказанію кнутомъ, вырѣзанію языковъ въ Тобольскѣ и потомъ къ ссылкѣ на работы перваго въ Камчатку, а втораго въ Охотскъ. 23 октября того же года, Биронъ велѣлъ Ушакову, для поминовенія императрицы Анны Іоанновны, помиловать этихъ Долгоруковыхъ и ограничиться ссылкою ихъ въ предназначенныя мѣста. Однако, 19 января 1741 г., тобольская губернская канцелярія и сержантъ преображенскаго полка Ѳедоръ Козловъ донесли, что уже князьямъ «помянутое наказанье кнутомъ, со урѣзаніемъ языковъ, учинено до полученія указа о нечиненіи имъ наказанья»...

Обращаясь къ занятіямъ нашихъ путешественниковъ въ Тобольскѣ, выписываемъ слѣдующее мѣсто изъ письма Делиля къ женѣ отъ 7/18 іюля: «первые дни нашего пребыванія здѣсь прошли въ однихъ обѣдахъ у губернатора и другихъ знакомыхъ, пріобрѣтенныхъ нами въ первый нашъ проѣздъ черезъ Тобольскъ. Впрочемъ, для нихъ не были нами пренебрежены разъисканія и разсмотрѣніе дѣлъ, что я обязанъ дѣлать въ тобольской губернской канцеляріи. Городъ этотъ есть столица всей Сибири. По просьбѣ моей о сообщеніи мнѣ всѣхъ находящихся тамъ картъ и записокъ, онѣ были доставлены. Картъ немного, и хотя я ихъ всѣ почти знаю, однако составилъ точный и обстоятельный каталогъ имъ, для образца тѣмъ, которые предполагаю завести по всѣмъ канцеляріямъ главныхъ городовъ сибирскихъ губерній, гдѣ можно будетъ найти географическія карты и записки. Изъ такихъ каталоговъ можно бу-

(*) Ср. Чтенія Москов. Общества исторіи 1864 г. книга 1, Смѣсь, стр. 1—7: «Показаніе князя Ив. Долгорукова и мнѣніе о томъ Тайной канцеляріи».

детъ потомъ видѣть, есть ли въ тѣхъ мѣстахъ какія карты, которыхъ нѣтъ въ Петербургѣ. Касательно же записокъ для географіи, я, просмотрѣвъ безъ пользы каталоги всѣхъ находящихся въ тобольской канцеляріи статей, отъискалъ только довольно объемистый волюмъ, съ отвѣтами изъ разныхъ мѣстъ на вопросы, предложенные за пять лѣтъ предъ симъ г. Татищевымъ объ исторіи, географіи и другихъ разныхъ предметахъ. Такъ какъ было бы долго списывать вполнѣ всѣ эти отвѣты, то я ограничился только тѣми изъ нихъ, которыя преимущественно касаются географіи... Слава Богу, мы всѣ здоровы, и хотя не имѣемъ никакихъ извѣстій о томъ, что происходитъ въ Петербургѣ и во всемъ остальномъ свѣтѣ, однако тѣмъ не менѣе довольны, вручаемъ себя вполнѣ провидѣнію Божію и надѣемся доказать, что не дурно употребляли свое время»...

23 іюля, ученая экспедиція отправилась изъ Тобольска въ возвратный путь тою же дорогою, которою проѣзжала она зимою. Дорога въ лѣтнюю пору представляла гораздо болѣе затрудненій отъ частыхъ переправъ чрезъ рѣки и отъ громадности поѣзда (въ двадцать пять экипажей, запряженныхъ каждый въ три или четыре лошади). Въ Верхотурьѣ, послѣднемъ, по словамъ Кёнигсфельда, сибирскомъ городѣ на ихъ пути — путешественники были 2 августа. Здѣсь ихъ посѣтилъ Корсакъ (Korsikof), сосланный съ женою, полькою, и очень хорошенькою. Онъ содержался въ Верхотурьѣ, а не въ Тобольскѣ, потому что туда былъ сосланъ его шуринъ Потемкинъ — оба они несли наказаніе за соучастіе въ дѣлѣ князя Черкасскаго (*).

(*) О винахъ этого Черкасскаго есть манифестъ въ Полн. собраніи законовъ т. IX, № 6647, отъ 16 ноября 1734 г. Тамъ, между прочимъ, сказано: «бывшій въ Смоленскѣ губернаторъ, князь Александръ Андреевъ, сынъ Черкасской, забывъ страхъ божій, присяжную свою должность и не памятуя многія показанныя паче его заслугъ наши императорскія къ нему милости, и что мы его изъ низкаго ранга въ камергеры, дѣйствительные статскіе совѣтники и въ губернаторы въ вышеименуемую губернію всемилостивѣйше произвели, — противу насъ и нашего государства зѣло тяжкіе и наиважнѣйшіе измѣнническіе и возмутительные умыслы безсовѣстно имѣлъ и оные въ дѣйство произвесть искалъ. И для того не токмо смоленскаго шляхтича Ѳедора Милашевича къ тому своему злодѣйственному умыслу присовокупилъ, но и чрезъ нарочное его въ зарубежные краи отправленіе измѣнническую корреспонденцію и пересылку содержалъ. И дабы въ той его корреспонденціи ему

Этотъ Корсакъ говорилъ немного по латини, былъ очень недуренъ собою и чрезвычайно вѣжливъ. 4 августа, Делиль и его спутники, переѣзжали высокую и трудную гору — Павдинскій камень. На нее надобно было подниматься 12 верстъ и потомъ столько же спускаться съ нея. «Такъ какъ ночь была свѣтлая, то я, говоритъ при этомъ случаѣ Кёнигсфельдъ, разсматривалъ не только плоскія мѣста (les plages du monde), но также и эти высокія горы, которыя, подобно высокимъ стѣнамъ, тянутся отъ Сѣвера къ Западу въ прямомъ направленіи и такъ далеко, какъ можетъ видѣть глазъ. Согласно донесенію геодезиста Казимирова, эти горы, какъ у Березова, прошли

вящше повѣрено было, того ради подложно въ оной объявлялъ, будто бы съ нимъ, Черкасскимъ, въ томъ его измѣнническомъ намѣреніи нѣкоторые изъ знатныхъ смоленской шляхты согласіе имѣли.... Да онъ же, князь Александръ Черкасской, сверхъ вышеписаннаго, во многихъ продерзостяхъ и и непристойныхъ словахъ, по показанію на него шурина его, смоленскаго шляхтича Семена Корсака и жены его, поручика Ивана Аршеневскаго и домоваго его, Черкасскаго, управителя Александра Пребышевскаго — изобличенъ и самъ въ томъ винился».... По этому «указали лишить князя Черкасскаго всѣхъ чиновъ, и недвижимое его имѣніе отобравъ, послать въ ссылку въ Сибирь въ Джигатайское зимовье на вѣчное житье. А вышепоказанныхъ Семена Корсака съ женою, Ивана Аршеневскаго, Александра Пребышевскаго, за то, что они, слышавъ отъ Черкасскаго злыя и важныя непристойныя слова, а о томъ гдѣ надлежало, до слѣдствія онаго дѣла, по присяжной своей должности, не доносили, послать ихъ въ ссылку въ Сибирь въ разные городы»....

Вообще въ манифестѣ не сочтено нужнымъ разъяснить подробности этого дѣла, но о томъ сохранились извѣстія въ бумагахъ Государственнаго Архива. Милашевичъ, какъ самъ признался впослѣдствіи, много взвелъ напрасныхъ обвиненій. Въ Польшѣ онъ принялъ католичество, женился на полькѣ и отправился съ разными тайными предложеніями къ претендентамъ престоловъ русскаго и польскаго — къ герцогу Голштинскому и Станиславу Лещинскому. За границею, Милашевичъ, испытавъ разныя неудачи, рѣшился сдѣлать доносъ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ. Онъ писалъ изъ Гамбурга въ сентябрѣ 1733 года, что кн. Александръ Черкасскій далъ ему отъ себя 300 рублей на поѣздку въ Киль къ герцогу голштинскому съ письмомъ и говорилъ въ Смоленскѣ: «нынѣ у насъ въ Россіи честнымъ людямъ никакъ жить не возможно; паче же кои получше другихъ разумѣютъ, тѣ весьма въ краткомъ времени пропадаютъ. Да и про себя онъ, князь Черкасской, объявилъ, что онъ по такой же причинѣ въ Смоленскъ губернаторомъ опредѣленъ, что ваше императорское величество (писалъ Милашевичъ къ государынѣ) къ нему высочайшую свою милость со отмѣною отъ другихъ оказывать изволили, которое г. оберъ-камергеру графу Бирону не очень пріятно видѣть было, того ради будто онъ, губернаторъ, отъ двора и отлученъ. А особливо за тѣмъ, дабы кто гораздо больше другихъ смыслитъ, при дворѣ не были, а простыхъ, что ничего не знаютъ, держутъ. И разсуждая о семъ напослѣдокъ говорилъ, что мнѣ по такимъ нынѣшнимъ въ Россіи происходя-

позади Обдорска и тянутся до самаго сѣвернаго берега и тамъ соединяются. Съ южной стороны, онѣ сходятся на Кавказѣ и простираются до Каспійскаго моря. Отсюда видно, что сама природа отдѣлила Европу отъ Азіи этою цѣпью высокихъ горъ. Онѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кажутся синеватыми облаками и на пространствѣ 80—120 верстъ виднѣются надъ вершинами лѣсовъ. Поэтому я не понимаю, какимъ образомъ нѣкоторые географы могли продолжить границы Европы до р. Оби, а другіе, напротивъ, сократить ихъ до р. Камы. Я держусь мнѣнія тѣхъ, которые Европу доводятъ до Верхотурскихъ горъ: чрезъ нихъ было намъ такъ трудно перебраться, и онѣ, какъ будто бы созданы природою для того, чтобы заграждать европейцамъ проходъ въ Азію».

Какъ только экспедиція вступила во владѣнія барона Строганова, то, согласно его распоряженіямъ, путешественниковъ начали принимать съ особеннымъ радушіемъ и услужливостью. 8 августа, они прибыли въ Новое Усолье, гдѣ строгоновскимъ прикащикомъ, Григорьемъ Григорьевичемъ Жигилинымъ тотчасъ же были отведены всѣмъ удобныя помѣщенія. «Онъ, писалъ Делиль къ женѣ, распорядился о доставленіи мнѣ всѣхъ удобствъ, какъ въ отношеніи кухни, такъ и моихъ наблюденій. Нѣтъ недостатка ни въ какихъ рабочихъ, ни въ матеріалахъ, которыхъ я требую. Намъ также дано достаточное количество

щимъ конъюктурамъ счастія ни малаго сыскать никакимъ образомъ невозможно.... Всѣмъ обладали курляндцы, отъ которыхъ уже намъ тошно стало.... Въ Голштиндіи (продолжалъ Черкасской) имѣется одинъ принцъ, внукъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти его императорскаго величества Петра Перваго, который истинный наслѣдникъ россійской имперіи, и отдалить его отъ сего никакъ невозможно, и всѣ почитаютъ, что онъ то достанетъ, и будто уже онъ, губернаторъ, ему, принцу, многихъ смолянъ привелъ въ сущую вѣрность».... Семенъ Корсакъ, сестра котораго Анна была за мужемъ за кн. Черкасскимъ, показывалъ, что «слышалъ отъ послѣдняго о республикѣ польской: выхвалялъ, что тò хорошо. Да и у насъ-де Долгорукіе хотѣли то сдѣлать, да не удалось. Развѣ-де что можетъ впредь лучше этого сдѣлаться». Николай Денисьевъ Потемкинъ, родной братъ жены Корсака, Прасковьи, былъ управителемъ въ Горыгоркахъ и подозрѣвался въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ непріязненнымъ Россіи старостою Бѣльскимъ, Потоцкимъ. Въ современномъ докладѣ о немъ замѣчено: «а другихъ никакихъ по сему дѣлу важностей на него, Потемкина, не показано», почему постановлено: «послать его въ ссылку въ Сибирь въ Тобольскъ и опредѣлить тамъ къ дѣламъ, къ какимъ будетъ достоинъ»... Что касается до князя Черкасскаго, то онъ былъ освобожденъ изъ ссылки, съ возвращеніемъ званія камергера, при вступленіи на престолъ Іоанна III, во время регентства Бирона, въ октябрѣ 1740 года.

служителей для всѣхъ возможныхъ надобностей. Съ утра присылаются припасы скоромные и постные, какіе только я пожелаю и сколько пожелаю. При этомъ у насъ изобиліе пива, меда, водки разныхъ сортовъ изъ винныхъ погребовъ барона. Наши три петербургскіе солдата и Матисъ (механикъ) не убереглись отъ того, чтобы хорошенько не напиться. Если было такъ удобно по части съѣстной, то я не менѣе доволенъ и касательно наблюденій, потому что могъ помѣстить всѣ мои инструменты во дворѣ занимаемаго мною дома, и мнѣ не нужно далеко ходить, чтобы пользоваться ими. Мишель (Грёнингъ) и Кёнигсфельдъ, хотя живутъ довольно далеко, однако приходятъ помогать мнѣ по первому востребованію. Дурно въ нашемъ пребываніи здѣсь только то, что погода непостоянная: часто идутъ дожди, вѣтрено, выпадалъ даже снѣгъ»...

Дѣйствительно изъ дневника Кёнигсфельда видно, что во все пребываніе экспедиціи въ Новомъ-Усольѣ почти не было ни одной ночи, удобной для астрономическихъ наблюденій. Такимъ образомъ, предположенныя наблюденія затмѣній спутниковъ Юпитера не удались. Только разъ, именно 23 августа въ 3 часа утра, Делиль имѣлъ возможность наблюдать вшествіе въ тѣнь перваго спутника Юпитера. Сверхъ того, 18 августа было наблюдаемо прохожденіе луны чрезъ меридіанъ по часамъ съ маятникомъ, бывшимъ съ Делилемъ, и высота луны. Ранѣе, именно 14 августа, было взято нѣсколько высотъ солнца. Разстояніе его отъ зенита было найдено $= 48°, 34', 0''$, откуда, по вычисленіямъ, высота полюса Новаго Усолья $= 59°, 32', 0''$. По картѣ земель барона Строганова, составленной геодезистомъ Молчановымъ, высота полюса этого мѣста опредѣлялась $59°, 19', 0''$.

Неудачи въ наблюденіяхъ понудили путешественниковъ покинуть гостепріимное Новое Усолье 2 сентября. Они отправились до Казани по Камѣ въ стругѣ (его Кёнигсфельдъ называетъ также ярославкою). «Это судно, писалъ Делиль къ женѣ, не похоже на дощаникъ, на которомъ мы ѣхали изъ Березова и который я вамъ описалъ, разсказывая о нашемъ пути оттуда въ Тобольскъ. Стругъ, признанный нами удобнѣйшимъ для переѣзда, долженъ былъ возвратиться въ Казань пустымъ. Мы

велѣли сдѣлать въ немъ комнаты для каждаго изъ насъ, съ постелями, столами, окошками и прочими удобствами для путешествія. Когда же хотѣли заплатить изъ казенныхъ денегъ рабочимъ и за употребленные на то матеріалы, то прикащикъ барона Строганова низачто не хотѣлъ ничего брать, отзываясь, что это было бы вопреки полученнымъ имъ приказаніямъ. Наканунѣ отъѣзда, онъ прислалъ къ намъ опись всѣмъ отпускаемымъ съ нами припасамъ съ цѣлью узнать, будетъ ли ихъ достаточно? Тутъ были поименованы: полъ-быка, живые бараны, индѣйки, огромное количество куръ, гусей и утокъ; садокъ съ живою рыбою, множество хлѣба всѣхъ сортовъ, также въ достаточномъ количествѣ разные напитки. Кромѣ того, прикащикъ завѣрилъ еще насъ, что мы будемъ получать въ дорогѣ все, что̀ намъ ни понадобится. Это дѣйствительно исполняется до сихъ поръ, а между тѣмъ мы уже спустились внизъ по Камѣ болѣе чѣмъ на сто верстъ. На нашемъ стругѣ тридцать гребцовъ, которые перемѣняются при греблѣ, въ случаѣ противнаго вѣтра, и днемъ, и ночью».

«Прикащикъ барона Строганова сказывалъ мнѣ, что въ земляхъ его господина есть мѣсто на Камѣ, которое мы будемъ проѣзжать и на которомъ предположено прорыть каналъ, сколько для сокращенія пути, столько же и для избѣжанія поврежденій, иногда приключающихся судамъ, когда они спускаются по Камѣ во время разлива. Я обѣщалъ осмотрѣть это мѣсто, когда поѣду мимо его, и обстоятельно донести о томъ барону Строганову по возвращеніи въ Москву. Я взялъ съ собою прикащика до той мѣстности и, послѣ осмотра, мы нашли ее удобною для канала, о чемъ сообщу подробнѣе барону Строганову на чертежѣ. Для осмотра я принужденъ былъ ѣхать верхомъ, чего не случалось со мною съ тѣхъ поръ, какъ лишился своего бѣлаго коня. Мнѣ было пріятно попробовать, въ состояніи ли я сидѣть на лошади въ случаѣ надобности. Мой опытъ удался очень хорошо: въ два или три часа времени я сдѣлалъ болѣе десяти верстъ вскачь и на другой день не чувствовалъ себя болѣе усталымъ, чѣмъ обыкновенно (*)»....

(*) Изъ дневника Кёнигсфельда узнаемъ, что осмотрѣнное Делилемъ мѣсто находилось около Слутки, недалеко отъ Лодейнаго.

*

«Въ Ново-Усольѣ, продолжаетъ Делиль въ письмѣ къ женѣ, мы велѣли сдѣлать большой флагъ, или знамя, бѣлое съ синимъ андреевскимъ крестомъ. Оно будетъ поднято на нашемъ суднѣ, какъ предназначенномъ на службу ея величеству. Мы сочли нужнымъ сдѣлать это для устрашенія грабителей, или разбойниковъ, съ которыми, какъ говорятъ, можно встрѣтиться на Волгѣ. Они не упускаютъ случая производить грабежи на купеческихъ судахъ, плавающихъ по этой рѣкѣ, подъѣзжаютъ къ нимъ на небольшихъ ладьяхъ, стараясь застать въ расплохъ купцовъ и другихъ лицъ и крича издалека, какъ только можно ихъ слышать: «сарынъ на кичку!» Эти слова условились они употреблять въ подобныхъ случаяхъ, и русскіе, управляющіе судами и услыхавшіе ихъ, обязаны лечь на землю, безъ всякаго сопротивленія, иначе разбойники убиваютъ ихъ. Находящіеся на купеческихъ судахъ, не имѣя, по обыкновенію, никакого оружія, повинуются подобному приказанію. Но существуетъ повелѣніе Петра I защищаться, подъ страхомъ наказанія тому, кто не будетъ оказывать сопротивленія. Этимъ мы поддержимъ всѣхъ гребцовъ, которые насъ везутъ, и, въ случаѣ нужды, будемъ грозить даже швырнуть въ воду тѣхъ, кто не будетъ отбиваться при нападеніи. Мишель, гг. Кёнигсфельдъ и Грегорьевъ, для предупрежденія всякой нечаянности, будутъ съ солдатами по ночамъ въ караулѣ; тогда весьма плохо придется разбойникамъ, если они вздумаютъ напасть на наше судно. У насъ есть порохъ и свинецъ для хорошей защиты: Мишель, Грегорьевъ, Кёнигсфельдъ, Матисъ и Шарль, не считая трехъ солдатъ, имѣютъ каждый отъ 30 до 40 выстрѣловъ, для которыхъ и заготовлены необходимые заряды. Они и тогда сильны, когда было бы разбойниковъ до ста человѣкъ, а между тѣмъ вмѣстѣ ихъ не бываетъ болѣе 15—20 человѣкъ. Наши въ состояніи воспрепятствовать имъ взойти на судно, очень высокое, а рабочіе могутъ защищать борты своими крючьями, или длинными шестами съ желѣзными и острыми наконечниками. Солдаты будутъ защищаться штыками, примкнутыми къ ихъ ружьямъ, и сверхъ того разбойники подвергнутся частымъ залпамъ изъ нашего огнестрѣльнаго оружія. Что касается до меня, то, обдумавъ о томъ, какъ долженъ

я поступать, полагаю, что благоразуміе требуетъ не быть на столько любознательнымъ, чтобы смотрѣть близко на сраженіе, но оставаться въ своей, крѣпко запертой каютѣ до тѣхъ поръ, пока который нибудь изъ этихъ разбойниковъ не пожелаетъ имѣть размозженную голову отъ академика. Если вынудитъ кто отворить дверь, то у меня къ его услугамъ пистолеты; также для того, кто за нимъ послѣдуетъ, наконецъ для всѣхъ, сколько бы ихъ ни было, лишь бы только давали они время заряжать мои пистолеты»...

9 сентября путешественники достигли безъ приключеній до села Бѣляевскаго, послѣдняго мѣста, принадлежавшаго барону Строганову. Отсюда въ дневникѣ Кёнигсфельда начинаютъ попадаться разсказы о слѣдахъ, еще остававшихся по берегамъ Камы отъ бывшаго тамъ башкирскаго возмущенія. Недоѣзжая до города Осы, путники видѣли село Покровское, разоренное и созженное башкирами въ 1737 году. Самый городъ Оса выстроенъ на возвышенной плоскости, версты двѣ въ окружности. За нею небольшой лѣсъ, откуда появившіеся въ 1737 году башкиры достигали даже городскихъ рогатокъ и нападали на городъ, но были отбиты гарнизономъ, состоявшимъ изъ 500 человѣкъ регулярнаго войска, все изъ казаковъ. Они храбро встрѣтили мятежниковъ ружейными и пушечными выстрѣлами, такъ что тѣ должны были бѣжать послѣ двухчасовой битвы. Ихъ, однако, не преслѣдовалъ начальникъ города князь Путятинъ, потому что у нихъ было болѣе двухъ тысячъ человѣкъ, а въ засадѣ за помянутымъ лѣсомъ находился еще отрядъ болѣе чѣмъ съ двумя тысячами лошадей, что̀ было дознано казаками-развѣдчиками. Изъ Осы путешественникамъ данъ былъ конвой изъ казаковъ, вооруженныхъ луками, стрѣлами, протазанами и копьями. Около города виднѣлись три висѣлицы, на которыхъ за два, за три года передъ тѣмъ было повѣшено до двадцати человѣкъ. По берегу Камы, внизъ отъ Осы встрѣтилась одна деревня, разграбленная разбойниками. Незадолго еще до проѣзда Делиля, имъ было привольно на Камѣ, по множеству какъ острововъ, такъ и лѣсовъ по берегамъ. Въ Сарапулѣ путникамъ разсказывали о башкирскихъ наѣздахъ, а потомъ, по вступленіи въ предѣлы уфимской провинціи, о томъ,

что башкиры продолжаютъ рыскать по окрестностямъ. Это было причиною, что на стругѣ соблюдали всѣ возможныя предосторожности въ ночное время. Однако все это не помѣшало Делилю производить отъ времени до времени наблюденія и давать уроки геодезистамъ, что̀ онъ постоянно дѣлалъ и въ Тобольскѣ, а по выѣздѣ оттуда, продолжалъ въ Новомъ-Усольѣ.

16 августа, стругъ прибылъ въ село Устьикское, гдѣ останавливался четырнадцать часовъ. «Надобно, говоритъ при этомъ случаѣ Кёнигсфельдъ, предупредить путешественниковъ, ѣдущихъ водою особенно въ осеннія ночи, что на половинѣ пути отъ Пьянаго Бора, или въ 15 верстахъ отъ Устьикскаго (*), по правой сторонѣ Камы, есть острова называемые Лодейкины, гдѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, совершались частыя убійства, такъ какъ мѣста, которыя здѣсь надобно проѣзжать, наполнены разбойниками, едва пропускающими самые малые челноки. Берега перваго изъ этихъ островов — Лодейки — очень высоки; по срединѣ его пригорокъ, покрытый огромными деревьями, и съ него очень удобно наблюдать издалека. Здѣсь есть ходы, вырытые подъ землею, а также пещеры, въ которыхъ живутъ тѣ разбойники. Названіе Лодейки произошло отъ слова *ладья* что̀ значитъ челнокъ, на который походитъ видомъ островъ. Такъ какъ путешественники проѣзжали его ночью, то у нихъ не было охоты сойти для осмотра тамошнихъ ходовъ и пещеръ. Въ ближайшемъ сосѣдствѣ этихъ островов, на правомъ берегу Камы, живутъ грубые татары, называемые Устьикскіе (les grossiers tartares nommés Usinski).

17 сентября, за селомъ Битковымъ путешественники посѣщали Троицкій монастырь, построенный на мѣстѣ, прежде извѣстномъ подъ именемъ Чертова городища, въ тридцати верстахъ отъ села Рождественскаго. Тутъ виднѣлись кое-какія развалины каменныхъ башенъ, числомъ до пяти, и старинная стѣна, въ окружности отъ 30 до 40 тоазовъ. По разсказамъ, въ старину здѣсь было капище татарскихъ (?) идоловъ, разо-

(*) «Или въ трехъ зумкахъ отъ Устьикскаго (ou à 3 sumkas d'Usinskoi)». Слово sumka или zumka попадается у Кёнигсфельда при описаніи плаванія по Камѣ. Такъ въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: 2 sumka, или 10 верстъ, въ другомъ — 8 zumkas или 40 верстъ и т. п.

ренное царемъ Иваномъ Васильевичемъ. Оно стояло на ручьѣ, впадающемъ въ Каму, которая здѣсь образуетъ два довольно большіе острова въ двѣ, три и даже болѣе верстъ. На правомъ берегу этой рѣки, напротивъ монастыря, въ разстояніи одной небольшой версты (d'une petite verste), лежитъ большое село Елабуга съ одною каменною и двумя деревянными церквами. Здѣсь идетъ значительный торгъ рыбою, которая ловится въ Камѣ. Путешественники проѣзжали мимо огромнаго количества небольшихъ лодокъ со множествомъ народа: между нимъ по разсказамъ, часто встрѣчались величайшіе негодяи.

Вечеромъ 18 сентября, стругъ присталъ къ селу Чистому Полю. Здѣсь, въ то время, какъ перемѣняли гребцовъ, взошелъ на стругъ какой-то неизвѣстный, довольно пьяный. На спросъ, кто онъ такой? получили въ отвѣтъ, что иконописецъ, хотя его скорѣе можно было принять за разбойника на большой дорогѣ. Потомъ узнали, что это былъ бѣглый, во второй уже разъ присылаемый казанскимъ губернаторомъ княземъ Голицынымъ расписывать вновь строющуюся въ селѣ церковь. По этому Кёнигсфельдъ счелъ его за шпіона и велѣлъ выпроводить со струга. Ночью, путешественникамъ слѣдовало проѣзжать ручей не болѣе 25 тоазовъ въ ширину. По берегамъ его росли густыя и большія деревья, почему было рѣшено остаться при оружіи во все продолженіе плаванія по этому проливу. На лѣвомъ берегу его, путешественники увидали большой костеръ и вокругъ него множество людей. Караульный на стругѣ смѣло опросилъ ихъ, что за люди? Отвѣчали, что рыбаки. Это мѣсто, по разсказамъ, было настоящимъ разбойничьимъ притономъ и убѣжищемъ грабителей. Весною 1740 года, они напали на священника въ селѣ Шуранѣ, въ сорока-пяти верстахъ отъ Чистаго Поля, сожгли тамъ нѣсколько человѣкъ и отняли до 300 рублей. Въ пригородѣ Лаишевѣ (19 сентября) путешественники видѣли укрѣпленія съ рогатками, деревянными башнями и бревенчатою стѣною. Ежегодно бывала здѣсь ярмарка, на которую съѣзжалось много негодяевъ и грабителей для закупки пороха и другихъ припасовъ. Тутъ-то и отъискивали ихъ, и попадавшихся препровождали въ Казань для награжденія по заслугамъ.

Съ приближеніемъ къ Волгѣ, число гребцовъ на стругѣ было удвоено (вмѣсто 20—40 человѣкъ) для того, чтобы одна половина могла тянуть судно вдоль берега бичевою. 20 сентября изъ села Рождествена путешественники проѣзжали самое опасное относительно разбойниковъ мѣсто — Салтысской кабакъ, около села Красновидова. «Мы, говоритъ Кёнигсфельдъ, на ночь удвоили наши посты вслѣдствіе нѣкоторыхъ опасеній отъ нападенія разбойниковъ, и вотъ почему. Тамъ, гдѣ мы перемѣняли гребцовъ, одинъ изъ нихъ спрашивалъ нашего кормчаго Варооломея (онъ отлично зналъ Каму и Волгу, потому что съ нами дѣлалъ сорокъ девятую поѣздку по этимъ рѣкамъ), сколько у насъ ружей? кормчій отвѣчалъ по правдѣ, что у насъ, не считая ружей, которыя могли имѣть гребцы, было двадцать, да у солдатъ пять, что̀ составляло двадцать пять выстрѣловъ. Въ сумерки ему пришелъ на умъ этотъ вопросъ, и такъ какъ онъ былъ честный человѣкъ, а судно было ввѣрено ему и его товарищу, другому кормщику, то онъ и сообщилъ о томъ мнѣ. Это и побудило насъ принять предосторожности и быть на сторожѣ. Всю ночь, какъ обыкновенно, горѣлъ фонарь въ проходахъ, и у каждаго въ каютѣ стояла свѣча на столѣ; кромѣ того, мы легли въ постели совсѣмъ одѣтые, въ перевязяхъ и со шпагами на боку»....

22 сентября стругъ прошелъ мимо устья Казанки и бросилъ якорь на разстояніи одного льё (около 5 верстъ) отъ адмиральтейства: вода въ это время года была слишкомъ низка, почему и нельзя было подплыть къ самой Казани. Во время пребыванія своего въ этомъ городѣ, Делиль, дѣлалъ астрономическія наблюденія надъ Арктуромъ (α Bootis), также надъ вхожденіемъ перваго спутника въ тѣнь Юпитера (l'immersion du premier satellite de ♃) и т. п.; продолжалъ давать уроки геодезистамъ и, наконецъ, посѣтилъ губернскій архивъ для разъисканія матеріаловъ, касающихся исторіи и географіи. Тамъ, между прочимъ, нашлась старинная карта, которой было около 150 лѣтъ: она изображала степь (le desert) между рѣкою Сокомъ. Въ томъ же архивѣ хранилось нѣсколько историческихъ извѣстій. Путешественники хотѣли было осмотрѣть архивъ архіерейской канцеляріи, но казанскій архіепископъ велѣлъ имъ

сказать, что тамъ ничего нѣтъ касающагося исторіи и географіи. Въ конторѣ адмиралтейства было много географическихъ чертежей и опись имъ была сообщена Делилю. Кахетинскій князь (le prince de Kaket), котораго посѣтилъ астрономъ, далъ ему для скопированія карту своихъ владѣній. 3 октября, путешественники ѣздили осматривать Зилантовъ монастырь. Архимандритъ, родомъ малороссіянинъ, очень привѣтливый, показывалъ имъ мамонтову кость, подаренную потомъ архіепископомъ Делилю, и пещеру, гдѣ жилъ драконъ Зилантъ, что на языкѣ казанскихъ татаръ значитъ змѣй. Онъ изображается въ гербѣ казанскаго царства. Мѣстные жители разсказывали множество басенъ объ этомъ драконѣ, такъ напримѣръ, что онъ, ударяя лбомъ о стѣны и горы, опрокидывалъ ихъ; пожиралъ людей и животныхъ и, между прочимъ, въ древности истреблялъ цѣлыя татарскія орды. Чудовище, по этимъ разсказамъ, было страшное, и Кёнигсфельдъ срисовалъ его изображеніе, имѣвшееся у одного изъ его казанскихъ пріятелей.

«Видъ города издали, писалъ Делиль къ женѣ, прекрасенъ, потому что въ немъ есть большія и высокія колокольни и другія каменныя зданія, но, за исключеніемъ ихъ, мѣсто оказывается предряннымъ. Что мнѣ всего болѣе здѣсь понравилось, такъ это мое знакомство съ архіепископомъ Лукою: онъ весьма хорошо говоритъ по латини, былъ въ Петербургѣ при кадетскомъ корпусѣ и очень любитъ науки. Въ Казани онъ основалъ академію или гимназію (*) и заботится о процвѣтаніи ея, на сколько это возможно. По приглашенію его, я отправился туда и былъ удивленъ, найдя во всѣхъ классахъ до богословія и реторики по два, по три студента, которые привѣтствовали меня рѣчами, произнесенными на память по латини и по русски. Когда мнѣ была надобность, то архіепископъ присылалъ свою карету въ шесть лошадей, съ двумя денщиками, для разъѣздовъ по городу и окрестностямъ. Онъ пригласилъ меня осмотрѣть его церковь, когда самъ отправлялъ въ ней торжественное богослуженіе (4 октября), въ память перваго архіепископа этого

(*) Архіепископъ Лука Конашевичъ, о которомъ говоритъ здѣсь Делиль, не учредилъ вновь, но только привелъ въ лучшее состояніе существовавшее до него духовное училище.

города (св. Гурія), скончавшагося за 180 лѣтъ передъ тѣмъ. Мы пріѣхали въ церковь въ его каретѣ, и насъ помѣстили такъ, чтобы мы могли видѣть всѣ обряды. Изъ сановниковъ, сопровождавшихъ его до архіерейскихъ палатъ, онъ однихъ насъ оставилъ обѣдать, а для окончанія этого дня, повезъ вечеромъ на свою дачу, чрезвычайно пріятную, гдѣ насъ встрѣтили залпомъ изъ девяти пушекъ»... «Дача эта, замѣчено въ дневникѣ Кёнигсфельда, называется Новымъ Іерусалимомъ и лежитъ въ четырехъ верстахъ отъ города. Мы тамъ нашли прекрасную каменную церковь съ разными строеніями и садомъ, который былъ очень запущенъ предмѣстникомъ архіепископа. При нашемъ прибытіи насъ встрѣтили девятью пушечными выстрѣлами, которые потомъ повторялись нѣсколько разъ. Мы потомъ взошли въ загородный домъ, обширный и окруженный галереею. На ней стояли малороссійскіе музыканты (des musiciens czerkess — извѣстно, что малороссовъ въ Великой Россіи называютъ черкасами), и исполнили концертъ, въ которомъ слышались разнородные голоса, что̀ производило чудесное впечатлѣніе — эта музыка продолжалась далеко за полночь»....

Вообще, какъ изъ письма Делиля, такъ и изъ дневника Кёнигсфельда, видно, что Делиль съ казанскимъ іерархомъ разстались друзьями: первый подарилъ второму англійскую, ручную зрительную трубку, и въ замѣнъ получилъ мамонтову кость изъ Зилантова монастыря и моржевую кость (le rosmar) замѣчательную по своей величинѣ.

Делиль выѣхалъ изъ Казани 11 октября, и на пути къ Нижнему-Новгороду, Кёнигсфельдъ успѣлъ занести въ дневникъ нѣсколько подробностей о чувашахъ. Въ качествѣ неутомимаго наблюдателя не только небесныхъ свѣтилъ, но и земныхъ существъ, нашъ путешественникъ не пропускалъ случая дѣлать свои замѣчанія о прекрасномъ полѣ разныхъ народовъ. Такъ, говоря о чувашахъ, онъ разсказываетъ, что нѣкоторыя изъ ихъ женщинъ очень красивы, разговорчивы, имѣютъ тонкія черты лица, стройный станъ и очень падки до сластей, за которыя готовы на всякія уступки. Одежда ихъ состоитъ изъ широкой и длинной рубашки, и унизанной копейками кички съ покрываломъ, поднятымъ къ верху конусомъ (qui

s'élève en pointe comme un cornet d'épices). Опоясывались онѣ ткаными поясами, которыхъ два конца висятъ назади, украшенные кистями изъ разноцвѣтнаго стекляруса. Вообще онѣ показались Кёнигсфельду послѣ остячекъ чистоплотными, потому что ѣли хлѣбъ и соль, не употребляя въ пищу ничего сыраго. Мужчины хорошаго роста; у нихъ платье похоже на англійское (leurs habits ont la forme de ceux des anglois?) съ кушакомъ, висящимъ за спиною и отороченнымъ краснымъ. Ихъ обыкновенный напитокъ auroen дѣлается изъ смѣси въ равномъ количествѣ воды и кислаго молока. Татары и калмыки также употребляютъ этотъ напитокъ. Кромѣ того, у нихъ есть родъ бѣлаго пива — оно варится съ медомъ, и отъ него бываютъ чуваши пьяны. Путешественники видѣли мѣсто, посвященное ихъ идоламъ: оно было окружено досками, и въ немъ имѣлось множество дубовъ съ растянутыми на нихъ разными кожами. Кёнигсфельдъ замѣтилъ также продолговатый столъ съ углубленіемъ или жертвенникомъ; около него чуваши убиваютъ животныхъ, приносимыхъ въ жертву, жарятъ ихъ и упиваются, послѣ чего кожи развѣшиваются по деревьямъ — такъ справляютъ они свои праздники. Одинъ изъ нихъ бываетъ около того времени, когда у насъ пасха, а второй тотчасъ послѣ жатвы для принесенія благодареній Богу за ниспосланныя отъ него благодѣянія. Дома чувашъ удалены одинъ отъ другаго шаговъ на пятьдесятъ. Всѣ они живутъ въ глубинѣ лѣсовъ, и, для отысканія ихъ, надобно сворачивать нѣсколько верстъ съ большой дороги.

Въ Чебоксары—эту столицу чувашъ—экспедиція прибыла 14 октября. Городъ расположенъ вблизи праваго берега Волги, а потому подвергается многимъ неудобствамъ во время весенняго разлива этой рѣки; но при постройкѣ домовъ имѣется это въ виду, а потому въ жилыя комнаты всегда надобно входить по высокимъ лѣстницамъ. Въ Чебоксарахъ десять каменныхъ церквей и нѣсколько такихъ же домовъ, принадлежащихъ зажиточнымъ купцамъ. Торгуетъ этотъ городъ съ Астраханью и Москвою, куда высылается кожа, вѣроятно та, что̀ называется русскою кожею (cuir de Russie), сало и хлѣбъ — предметы, которыхъ здѣсь изобиліе. Городъ стоитъ между

поселеніями чувашъ, но они показались Кёнигсфельду менѣе просвѣщенными, чѣмъ тѣ, которыхъ онъ видѣлъ около Казани. У нихъ нѣтъ религіи и священниковъ: чтобы доставить удовольствіе русскимъ и избѣгать оскорбленій отъ нихъ, чуваши чтутъ Богородицу и св. Николая и ставятъ въ честь ихъ свѣчи. Днемъ отдохновенія у нихъ пятница, какъ у татаръ. Когда чувашенинъ начинаетъ ѣсть хлѣбъ, то обращается къ востоку, молится стоя съ открытою головою, потомъ откусываетъ зубами небольшой кусокъ, бросаетъ его на землю къ востоку и затѣмъ уже принимается за ѣду. При этомъ случаѣ Кёнигсфельдъ спросилъ у одного изъ нихъ, знаетъ ли онъ, что есть Богъ, сотворившій небо и землю? тотъ отвѣчалъ: какъ не знать этого? необходимо, чтобы былъ кто нибудь болѣе насъ всѣхъ, который создалъ всякую вещь. На вопросъ: зачѣмъ они не крестятся въ христіанскую вѣру? отвѣчалъ со смѣхомъ, что это у нихъ не въ обычаѣ — и послѣ того тотчасъ же отошелъ отъ путешественника со словами Hülg balle. Погребеніе ихъ очень просто: тѣло, завернутое въ холстъ, зарывается въ землю и на могилѣ ставится столбъ, выдолбленный къ востоку. По окончаніи этого всѣ удаляются. На чувашскихъ кладбищахъ виднѣются сотни подобныхъ столбовъ; нѣкоторые изъ нихъ изъ обтесаннаго камня съ какими-то буквами, непохожими ни на русскія, ни на татарскія. Забавно отправляютъ чуваши свадьбы, потому что въ бо̀льшей части случаевъ они вынуждены покупать себѣ женъ, и это дѣлается такъ: отецъ молодаго человѣка идетъ къ отцу дѣвушки, который для гостя приготовляетъ пива. Первый проситъ у втораго дочь для своего сына и когда изъ деревяннаго ковша съ ручкою пьетъ пиво за его здоровье, то кладетъ туда рублей пять. Отецъ дѣвушки, осушивъ въ свою очередь ковшъ, находитъ деньги, и если доволенъ предложенною цѣною, то благодаритъ, а если нѣтъ, то наполняетъ снова ковшъ и пьетъ за здоровье отца молодаго человѣка, а этотъ прибавляетъ еще нѣсколько рублей, и такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока не удовольствуется отецъ дѣвушки. Иные похищаютъ своихъ возлюбленныхъ, но случается, что ихъ за то сильно колотятъ. Вообще чуваши опрятны, а женщины у нихъ ловки, здоровы и достигаютъ преклонныхъ лѣтъ. Въ домахъ у нихъ

чище, чѣмъ у русскихъ: въ каждой избѣ нары, или возвышенія, какъ у татаръ, но только на лѣвой сторонѣ, а печь на правой, какъ у русскихъ, съ очагомъ на боку, на подобіе татарскаго.

Изъ Козмодемьянска путешественники отправились далѣе уже на саняхъ. 19 октября они достигли села Лыскова, принадлежавшаго Бакару, грузинскому царевичу. Здѣсь нѣкоторые изъ экспедиціи купили себѣ тонкаго полотна, огромное количество котораго отправлялось каждый годъ на Макарьевскую ярмарку. Того же числа проѣзжали село Работное, принадлежавшее цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Названіе его происходитъ отъ слова *работа*, потому что царь Иванъ Васильевичь самъ строилъ здѣсь нѣсколько дней деревянную церковь.

20 октября, Делиль прибылъ въ Нижній-Новгородъ, который нашелъ иллюминованнымъ по случаю назначенія императрицею Анною принца Іоанна Антоновича наслѣдникомъ престола. Разъисканіе картъ, производство наблюденій, преподаваніе уроковъ геодезистамъ и посѣщеніе мѣстныхъ властей заняло у путешественниковъ тринадцать дней. 3 ноября, они выѣхали изъ Нижняго-Новгорода и, 23 числа того же мѣсяца, прибыли чрезъ Муромъ и Владиміръ въ Москву.

На другой же день послѣ пріѣзда своего въ Москву, именно 24 ноября, Делиль съ Кёнигсфельдомъ поспѣшили прежде всего къ барону Строганову(*), по распоряженію котораго былъ сдѣланъ такой барскій пріемъ ученымъ въ строгановскихъ помѣстьяхъ. Баронъ принялъ самымъ любезнымъ образомъ астронома, а послѣдній представилъ ему проектъ канала, предположеннаго около Слутки на Камѣ, вмѣстѣ съ подробными объясненіями по этому предмету. Между тѣмъ супруга барона распрашивала по русски Кёнигсфельда о путешествіи, и онъ ей разсказывалъ объ образѣ жизни остяковъ, о Березовѣ и тамошнемъ острогѣ, о рѣкѣ Оби, о водящихся въ ней рыбахъ, и т. п. «Все превосходно у г. барона, прибавляетъ Кёнигс-

(*) Въ рукописи не обозначено, у котораго именно изъ бароновъ Строгановыхъ былъ съ визитомъ академикъ. Въ 1740 г. ихъ было три брата: бароны Александръ († 1754), Николай († 1758) и Сергѣй († 1756) Григорьевичи. Изъ родословной ихъ только можно видѣть, что здѣсь идетъ рѣчь не о послѣднемъ, овдовѣвшемъ еще въ 1737 году.

фельдъ, и все на иностранный ладъ. У него разныя превосходныя картины, китайскіе обои, огромное количество серебряныхъ вазъ, не говоря уже о дорогой мебели, которой множество». 17 декабря, оба путешественника обѣдали у барона Строганова старшаго. Послѣ обѣда онъ показывалъ имъ свою превосходную библіотеку со множествомъ рѣдкихъ книгъ и украшенную разными математическими инструментами; также небольшой кабинетъ золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ медалей; наконецъ историческія вещи: шлафрокъ (robe de chambre) изъ бѣлой тафты, который носилъ царевичъ Алексѣй Петровичъ и красную тафтяную рубашечку, надѣванную въ дѣтствѣ царемъ Іоанномъ Алексѣевичемъ. 18 декабря, баронъ Строгановъ отплатилъ посѣщеніе Делилю, и при этомъ случаѣ академикъ показывалъ въ свою очередь разныя любопытныя рукописныя карты, множество сибирскихъ рѣдкостей, мамонтовы кости, моржевые клыки (rosmar) и пр. На другой день Строгановъ прислалъ Делилю въ подарокъ русскую генеалогическую таблицу о происхожденіи калмыковъ, съ французскимъ переводомъ, и зубъ моржа (de rosmar), примѣчательный по величинѣ, именно въ 3 фута длины.

Изслѣдователя, только что начинающаго заниматься русскою исторіею XVIII столѣтія, не можетъ не удивлять скудость современныхъ отечественныхъ извѣстій о важнѣйшихъ изъ тогдашнихъ государственныхъ событій. Дѣйствительно, чтеніе записокъ, которыя часто велись людьми, хорошо знавшими малѣйшія подробности о происходившемъ въ то время, а также знакомство съ уцѣлѣвшею перепискою лицъ самыхъ близкихъ между собою, приводятъ только къ убѣжденію, что въ Россіи XVIII вѣка были большіе искусники обходить на бумагѣ всѣ жгучіе вопросы, всѣ событія, касавшіяся высшей государственной сферы. При поверхностномъ знаніи положенія тогдашняго русскаго общества, можно было бы пожалуй подумать, что для него было совершенно чуждо все, что происходило внѣ ограниченнаго круга хозяйственныхъ или домашнихъ отношеній. Но на дѣлѣ это было не такъ: сдержанность на бумагѣ и даже въ разговорахъ происходила не отъ холодности къ тому что̀ происходило въ государственной сферѣ, но изъ опасенія и

подозрительности, легко оправдываемыхъ, когда познакомишся съ дѣлами, исключительно бывшими подъ вѣдѣніемъ Андрея Ивановича Ушакова, и съ тѣми многочисленными и подробными до крайнихъ мелочей розъисками по поводу произнесенія кѣмъ бы то ни было и гдѣ бы то ни было страшнаго «слова и дѣла». Нисколько неудивительно послѣ того, что ни въ дневникѣ, въ который Кёнигсфельдъ съ акуратностью нѣмца вносилъ все слышанное и замѣченное имъ, ни въ откровенной перепискѣ Делиля съ женою, ничего нельзя найти, кромѣ самыхъ темныхъ и неопредѣленныхъ намековъ о томъ, что происходило въ Петербургѣ 1740 г., въ продолженіи отсутствія оттуда академика. А произошло въ эти десять мѣсяцевъ много неожиданнаго, много такого, что̀ опрокинуло вдругъ бывшее до того времени сильнымъ и неприступнымъ.

Передъ отъѣздомъ своимъ, Делиль обращался къ Волынскому, какъ могущественному министру кабинета, обѣщавшему свое содѣйствіе успѣхамъ въ Россіи астрономіи и географіи. Едва прошелъ мѣсяцъ послѣ отъѣзда академика изъ Петербурга, и Волынскій былъ арестованъ, а потомъ заключенъ въ крѣпость. Пространный розъискъ его винъ и его приверженцевъ кончился уже въ іюнѣ мѣсяцѣ: Волынскаго казнили на одной изъ петербургскихъ торговыхъ площадей, а вмѣстѣ съ нимъ не мало пострадало людей разнаго званія, и русскихъ, и иноземцевъ. Делиль, разумѣется въ полномъ невѣдѣніи о томъ, написалъ изъ Березова къ Волынскому письмо, въ которомъ, какъ видѣли выше, расточались ему разныя похвалы. Письмо это пришло въ Петербургъ уже во время опалы министра, а потому было передано въ слѣдственную коммиссію о немъ, и здѣсь на это обратили особенное вниманіе. Переведенное на русскій языкъ, письмо Делиля и до нынѣ хранится въ дѣлопроизводствѣ о Волынскомъ. По возвращеніи уже изъ Березова въ Тобольскъ $^{7}/_{18}$ іюля, астрономъ писалъ къ женѣ, что они не имѣютъ никакихъ извѣстій о томъ, что происходитъ въ Петербургѣ и во всемъ остальномъ свѣтѣ. Подъ 2 августомъ, въ дневникѣ Кёнигсфельда есть краткая замѣтка, въ Верхотурьѣ «мы оставались нѣкоторое время съ однимъ петербургскимъ пріятелемъ, ожидавшимъ насъ здѣсь». Изъ письма Де-

лиля къ женѣ (Нижній-Новгородъ $^{1}/_{12}$ ноября) узнаемъ, что этотъ пріятель былъ Бланкенгагъ (Blankenhague); жена его жила у генерала Шёмберга—человѣка, близкаго къ тогдашнимъ придворнымъ знаменитостямъ. Быть можетъ этотъ Бланкенгагъ первый сообщилъ путешественникамъ о случившемся въ Петербургѣ въ ихъ отсутствіе. На Камѣ, въ башкирскомъ городѣ Осѣ, 9 августа, они, какъ таинственно записалъ Кёнигсфельдъ въ дневникѣ, узнали отъ тамошняго воеводы «разныя непріятныя новости, касающіяся отечества и происшедшія отъ злыхъ людей (qui étoient le fruit de quelques méchantes gens)». Въ Нижнемъ-Новгородѣ, нѣсколько дней спустя послѣ объявленія манифеста о назначеніи наслѣдника престола (см. выше), именно 4 ноября, путешественники узнали, что ночью прибылъ въ этотъ городъ курьеръ съ какими-то указами неизвѣстнаго содержанія, запечатанными черными печатями. 7 ноября въ Нижнемъ-Новгородѣ, при звукѣ барабановъ, было объявлено жителямъ о кончинѣ императрицы Анны и о возшествіи на престолъ императора Іоанна III. На слѣдующій день путешественники присягали на вѣрность новому императору и регенту государства Бирону.

Жена Делиля писала къ нему изъ Петербурга $\frac{\text{29 Октября}}{\text{9 Ноября}}$, слѣдовательно, когда онъ находился еще въ Нижнемъ-Новгородѣ: «вы, безъ сомнѣнія, будете удивлены столькимъ перемѣнамъ, происшедшимъ здѣсь со времени вашего отъѣзда. Конечно, вамъ извѣстны тѣ, которыя случились въ академіи и въ министерствѣ, но самая важная изъ нихъ — это перемѣна въ правительствѣ вслѣдствіе кончины императрицы. Ея величество въ завѣщаніи своемъ призвала къ наслѣдованію русскимъ престоломъ юнаго принца, сына герцога брауншвейгскаго и принцессы Анны, а регентомъ на семнадцать лѣтъ назначила его свѣтлость герцога курляндскаго. Вамъ также, по всей вѣроятности, извѣстно, что г. Бестужевъ, бывшій посланникомъ въ Даніи, сдѣланъ министромъ на мѣсто Волынскаго. Кстати о послѣднемъ: я узнала, что въ его кабинетѣ нашлись какія-то бумаги, писанныя вашею рукою и непріятныя для нѣкоторыхъ особъ (разумѣется здѣсь идетъ рѣчь о Биронѣ или Остерманѣ). Обдумавши это, я увѣрилась, что тамъ ничего не мо-

жетъ быть противъ государства, а скорѣе увидятъ изъ этихъ бумагъ ваше усердіе къ усовершенствованію астрономіи и географіи въ Россіи. Мнѣ кажется *необходимымъ* (подчеркнуто въ подлинникѣ), чтобы вы по крайней мѣрѣ изъ Москвы написали къ г. Бестужеву. Въ настоящемъ положеніи дѣлъ, онъ изъ всѣхъ министровъ болѣе въ силѣ и болѣе способенъ поддержать ваши виды для блага имперіи; это — честный человѣкъ, справедливый, другъ наукъ и ученыхъ. Не сомнѣваюсь, что такимъ поступкомъ вы пріобрѣтете себѣ въ немъ покровителя. Во всякомъ случаѣ, *это нужно* (подчеркнуто опять въ подлинникѣ) сдѣлать и даже остаться дней на восемь или на десять въ Москвѣ, подъ предлогомъ отдохновенія отъ дорожной усталости, на тотъ конецъ, чтобы ваше письмо произвело желаемое дѣйствіе и подготовило къ вашему пріѣзду благопріятный пріемъ отъ лица, которое можетъ быть много полезно вашимъ видамъ и отвратить вліяніе интригъ лицъ, пожелающихъ тому воспротивиться, потому что Бестужевъ въ большой силѣ»...

Письмо это Делиль получилъ въ первый день своего пріѣзда въ Москву, гдѣ тотчасъ же узналъ о паденіи Бирона, а съ нимъ и Бестужева. Делиль въ Москвѣ очутился во французскомъ обществѣ съ знакомыми по бо̀льшей части французами. Отъ нихъ-то онъ узналъ о перемѣнахъ въ академіи наукъ, о которыхъ мелькомъ упоминала жена его: въ апрѣлѣ, баронъ Корфъ, президентъ академіи, получилъ мѣсто посланника въ Копенгагенъ. Отправляясь къ новому своему посту, онъ былъ увѣренъ, что останется по прежнему президентомъ академіи, почему и далъ подробное наставленіе, какъ поступать въ отправленіи академическихъ дѣлъ въ его отсутствіе; но это наставленіе оказалось излишнимъ: едва прошло нѣсколько дней послѣ его отъѣзда, какъ былъ назначенъ новый президентъ — фонъ-Бревернъ. Кромѣ того, астроному разсказали и другія, менѣе важныя новости: оріенталистъ Керъ, бывшій въ частыхъ сношеніяхъ съ академіею наукъ, умеръ; одинъ изъ старшихъ академиковъ Дюверну уѣхалъ за границу и т. п.

Изъ дневника Кёнигсфельда видно, что въ пребываніе его въ Москвѣ, тамъ, по обыкновенію, ходило множество слуховъ, часто нелѣпыхъ, о послѣднихъ событіяхъ въ Петербургѣ.

Конечно, болѣе всего занималъ москвичей Биронъ и его будущая судьба. Когда Кёнигсфельдъ обѣдалъ съ Делилемъ у московскаго губернатора князя Юсупова, то послѣдній, подробно распрашивая о Березовѣ, примолвилъ, что быть можетъ скоро тамъ будетъ жить бывшій регентъ, и что тамъ ему будетъ хорошо, — онъ страстный любитель охоты, а изъ словъ Кёнигсфельда видно, что въ тѣхъ странахъ множество дичи. Москва же утверждала, что Биронъ непремѣнно потеряетъ голову и что пасторъ Назіусъ уже посланъ къ нему въ Шлюссельбургъ, чтобы приготовить его къ смерти. Увѣряли, что брата бывшаго регента, Густава Бирона недавно провезли чрезъ Москву въ Сибирь, и пр.

Между тѣмъ госпожа Делиль, на другой день послѣ паденія Бирона, $^{10}/_{21}$ ноября сообщила о томъ мужу въ запискѣ безъ подписи, а $^{18}/_{29}$ ноября подобною же запискою академикъ извѣщался: «при вашемъ прибытіи въ Москву, первое, что вы должны сдѣлать—это написать письмо къ фельдмаршалу графу Миниху, теперешнему первому министру. Къ нему слѣдуетъ писать Monseigneur и начинить посланіе титуломъ Votre Grandeur. Начать надобно похвалами совершенному имъ подвигу — арестованіе герцога — и говорить о славѣ, которую онъ тѣмъ пріобрѣлъ себѣ. Потомъ вы дадите ему подробный отчетъ о совершенномъ вами путешествіи и о результатахъ, которые надѣетесь изъ него извлечь и пр. Послѣ того должно остаться дней восемь или десять въ Москвѣ, чтобы дать время вашему письму произвести дѣйствіе. Слѣдуетъ также распорядиться такимъ образомъ, чтобы явиться къ нему тотчасъ же, какъ вы пріѣдете. Вы выйдете изъ экипажа только для того, чтобы переодѣться, къ чему будетъ все приготовлено. О прочемъ будетъ сообщено здѣсь (т. е. въ Петербургѣ). Полагаю, что вы легко догадаетесь, что всѣ, преподанные сейчасъ совѣты, не принадлежатъ мнѣ и что я передаю вамъ только то, что идетъ изъ вѣрнаго источника»...

Это письмо, какъ нельзя лучше рисуетъ то могущественное вліяніе, которымъ пользовался, впрочемъ очень недолго, Минихъ послѣ знаменитаго арестованія имъ Бирона. Делиль, получивъ всѣ эти извѣстія, отвѣчалъ, 5 декабря, довольно

наивно: «всѣ, сообщенныя вами перемѣны мнѣ очень понравились, и, согласно имъ, я приготовлю къ будущей почтѣ письма ко всѣмъ, кто теперь въ силѣ. Дорогою, я написалъ было черновое письмо къ герцогу и намѣревался передать чрезъ г. дела-Шетарди, но теперь, вмѣсто этого, напишу къ графу Миниху. Къ адмиралу Головину и графу Остерману также предполагалъ написать и даже почти окончилъ вчернѣ письмо къ послѣднему, но вижу, что и въ немъ надобно будетъ сдѣлать много перемѣнъ. Мѣсто, нынѣ занимаемое княземъ Черкасскимъ (жена увѣдомляла, что онъ сдѣланъ великимъ канцлеромъ), и мой доступъ къ нему, обязываютъ меня написать и къ нему надлежащее представленіе для успѣха моихъ намѣреній»....

Делиль, дѣйствительно, написалъ письмо къ Миниху: оно, согласно совѣтамъ жены, начинено титулами Monseigneur и Votre Grandeur, но и это было напрасно: вскорѣ фельдмаршалъ опасно занемогъ, а за тѣмъ его постигла участь предшествовавшихъ временщиковъ. Онъ также впалъ въ немилость и если тогда еще не былъ въ Сибири, то по крайней мѣрѣ уже потерялъ всякое вліяніе.

Въ слѣдующемъ письмѣ отъ $^1/_{12}$ декабря госпожа Делиль писала: «я не имѣю сообщить вамъ болѣе свѣжихъ новостей, кромѣ тѣхъ, которыя вы уже знаете; развѣ только то, что вотъ двѣ недѣли, какъ фельдмаршалъ боленъ. Онъ былъ даже въ опасности, но теперь ему лучше, хотя его еще никто не видитъ. Г. Геннингеръ, шуринъ Шумахера, произведенъ въ статскіе совѣтники и назначенъ секретаремъ къ великой княгинѣ (Аннѣ Леопольдовнѣ — матери малолѣтняго императора). Такимъ образомъ еще новая подпора Шумахеру... Г. Леблонъ передалъ г. Гроссу письмо ваше къ нему изъ Новаго Усолья, при чемъ г. Гроссъ говорилъ ему, что вы поступите очень хорошо, если сдѣлаете сколько возможно болѣе полезныхъ наблюденій для географіи, чтобы такимъ образомъ деньги, отпущенныя его величествомъ на ваше путешествіе, были затрачены съ пользою, чѣмъ быть можетъ вы будете въ состояніи смягчить умы. Не надобно забыть предупредить васъ — такъ какъ вы не получали моихъ писемъ — что немного дней спустя послѣ вашего отъѣзда, баронъ Корфъ, приводилъ въ

извѣстность все, что̀ было въ обсерваторіи и отдалъ ключи отъ нея г. Гейнзіусу. При этомъ случаѣ я принуждена была, вслѣдствіе приказаній барона Корфа, вручить Гейнзіусу сдѣланную г. Мессеромъ копію съ вашихъ наблюденій, такъ какъ Корфъ велѣлъ искать ее въ вашихъ книгахъ съ угрозами жаловаться кабинету. Вы не сдѣлали никакихъ распоряженій по этому предмету, почему я считала обязанностью отдать отъисканную мною рукопись, которая и передана въ руки г. Гейнзіуса. Мнѣ говорили потомъ, что онъ представилъ академіи донесеніе, не весьма благопріятное для вашихъ наблюденій. Я желала бы, чтобы г. Леблонъ былъ теперь съ вами въ Москвѣ — онъ бы много поразсказалъ вамъ вещей, которыя касаются васъ»....

Чтобы понять приведенную сейчасъ выписку, необходимо помнить, что нашъ астрономъ, передъ отъѣздомъ своимъ въ Березовъ, былъ въ совершенномъ разладѣ съ Шумахеромъ, который именемъ президентовъ правилъ по своей волѣ всею академіею. Еще въ 1733 г., когда на мѣсто Кейзерлинга былъ назначенъ въ президенты академіи баронъ Корфъ, Делиль въ первое академическое засѣданіе, въ которомъ тотъ присутствовалъ, произнесъ рѣчь, и въ ней откровенно высказалъ, какъ много терпитъ академія отъ того, что при ней безъ всякой нужды заведено много ремесленныхъ учрежденій (а это, какъ извѣстно, произошло по волѣ и распоряженію Шумахера). «А что больше жалобы достойно, говорилъ Делиль, академическая канцелярія (ея начальникомъ былъ Шумахеръ же) неправеднымъ образомъ взяла команду и надъ академіею наукъ и о всемъ опредѣляетъ сама собою. Къ сему, якобы высшему суду, надлежитъ идти просить милости для вспомоществованія во всякихъ потребностяхъ и выходатайствовать выдачу жалованья и прочихъ расходовъ и иждивеній, которые часто для академіи учинить надобно... Почти вѣрить не можно, что академія до сего времени отъ лишней власти, которую надъ нею управляющіе до сихъ поръ взяли, претерпѣла, не спрашивая совѣта ни у кого и учиня сами собою всѣ учрежденія, которыя нынѣ въ ней находятся»...

Рѣчь эта, сколько можно судить по дальнѣйшимъ дѣйствіямъ

барона Корфа, не имѣла никакихъ послѣдствій на улучшеніе академическихъ дѣлъ, и Шумахеръ умѣлъ войти въ довѣренность президента, который выхлопоталъ ему званіе совѣтника академической канцеляріи. Неудивительно послѣ этого, что Шумахеръ не находился въ добрыхъ отношеніяхъ къ Делилю и старался вооружать противъ него барона Корфа. Въ протоколахъ академической конференціи сохранилось нѣсколько примѣровъ тѣхъ столкновеній, которыя бывали у астронома съ президентомъ, особенно любившимъ выказывать при всякомъ случаѣ свою власть надъ академиками.

Упоминаемый въ письмѣ госпожи Делиль—Геннингеръ, женатый на сестрѣ Шумахера, былъ сначала учителемъ сына князя Меншикова, а потомъ наставникомъ племянницы императрицы Анны, принцессы Анны Леопольдовны. Когда гувернантка послѣдней, Адеркасъ, была удалена отъ двора, потому что до императрицы дошли слухи о склонности ея питомицы къ графу Линару, то и Геннингеръ, какъ видно причастный къ этому дѣлу, получилъ увольненіе. Какъ только вступила въ управленіе государствомъ принцесса Анна Леопольдовна, то она поспѣшила приблизить къ себѣ Геннингера, но онъ, съ паденіемъ своей покровительницы, очутился скоро въ крайности (*).

Гейнзіусъ, о которомъ также идетъ рѣчь въ письмѣ госпожи Делиль, былъ академикъ и астрономъ, наблюдавшій на петербургской обсерваторіи подъ руководствомъ Делиля. Послѣдній, незадолго до отъѣзда своего въ Сибирь, представилъ записку, подъ заглавіемъ: «Etat des instrumens qui sont à l'observatoire, et des observations qui y doivent être faites, non seulement pour les continuer de la manière qu'elles ont été commencées jusqu'ici, mais encore pour les nouvelles qu'il faut faire correspondantes à celles que je me suis proposé de faire dans mon voyage et dont j'ai averti les principaux astronomes de l'Europe». Эта самая записка подала поводъ Гейнзіусу представить барону Корфу «Unterthänige Vorstellung wegen Übernahme des Observatorii bei der Abreise des H. de l'Isle zu Ende des

(*) Mémoires sur la Russie, par Manstein. Lyon, 1772, I, 146, 147, и рукописные Матеріалы для исторіи Академіи Наукъ, Миллера, стр. 46.

Februarii 1740 (*)». Здѣсь, этотъ астрономъ подробно доказывалъ о физической невозможности производить ему одному наблюденія на обсерваторіи въ тѣхъ обширныхъ размѣрахъ, какіе начертаны были въ запискѣ Делиля. Вѣроятно, объ этомъ то представленіи передано было госпожѣ Делиль пріятелями мужа ея, и она писала о томъ къ послѣднему, какъ о неблагопріятномъ отзывѣ Гейнзіуса о его наблюденіяхъ. Что касается до выдачи Гейнзіусу, въ отсутствіе Делиля, копіи съ наблюденій послѣдняго, то это обстоятельство въ современныхъ академическихъ бумагахъ объяснено такъ: когда, по отъѣздѣ Делиля, Гейнзіусу слѣдовало продолжать наблюденія на петербургской обсерваторіи, то при этомъ ему было необходимо знать отклоненія стѣннаго секстанта отъ плоскости меридіана и горизонтальной поверхности, о чемъ можно было получить свѣдѣніе только изъ предшествовавшихъ наблюденій Делиля. Поэтому, вслѣдствіе приказанія барона Корфа, тѣ наблюденія и были сообщены изъ кабинета отсутствующаго астронома секретаремъ его Леблономъ.

23 декабря, Делиль выѣхалъ изъ Москвы, а 29 числа того же мѣсяца въ часъ пополудни прибылъ въ Славянку, откуда медленно отправился въ Петербургъ, чтобы пріѣхать туда ночью «по нѣкоторымъ причинамъ» объясняетъ Кёнигсфельдъ. «Мы, благодаря Бога, достигли, продолжаетъ онъ, города въ 6 часовъ вечера живы и здоровы. Я поблагодарилъ г. Делиля за все его расположеніе ко мнѣ и за то, что въ продолженіе путешествія пользовался его столомъ и астрономическими таблицами». 30 декабря, авторъ дневника являлся къ президенту академіи, а 10 января, Делиль подалъ въ императорскій кабинетъ отчетъ о своемъ путешествіи (съ подписаніемъ: A nos seigneurs les ministres du Cabinet de Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies). Описавъ здѣсь свои занятія во время путешествія, астрономъ представилъ слѣдующія соображенія и выводы:

«Изъ разсказа, только что сдѣланнаго мною, видно, что у меня самыя успѣшныя наблюденія были произведены въ бла-

(*) Архивъ старыхъ дѣлъ академической канцеляріи, книга № 50, 1740 г.

гопріятное время года въ сѣверныхъ странахъ Россіи. Эти наблюденія всего болѣе необходимы для генеральной карты европейской Россіи. Остается теперь окончить, какъ можно скорѣе и какъ можно лучше, эту карту по имѣющимся нынѣ запискамъ и наблюденіямъ. Но, само собою разумѣется, что такая карта, какую можно сочинить теперь, не можетъ еще быть совершенна, пока не довольно точны всѣ частныя карты и прочія географическія записки, на основаніи которыхъ должна быть она составлена. Это должно задержать одновременное изданіе частныхъ картъ. Послѣднее можетъ быть приведено въ исполненіе по мѣрѣ исправленія и усовершенствованія этихъ картъ и другихъ записокъ, такъ что впослѣдствіи можно будетъ передѣлать во второй разъ генеральную карту со всею необходимою точностью.

«Чтобы достигнуть этой цѣли и на будущее время утвердить на прочныхъ основаніяхъ географію въ Россіи, я уже очень давно предлагалъ обучать астрономическимъ наблюденіямъ достаточное число молодыхъ людей изъ русскихъ и потомъ разсылать ихъ съ надлежащими инструментами въ тѣ мѣста, гдѣ это будетъ нужно. Въ этихъ же видахъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я представлялъ въ высокій сенатъ проектъ объ измѣреніи земли въ Россіи. Посредствомъ этого, геодезисты, инженеры и всѣ прочіе математики, иностранные и русскіе, могли бы изучить самые вѣрные пріемы геометріи и нивелировки для усовершенствованія частныхъ картъ. Если ваши превосходительства утвердятъ нынѣ приведеніе въ исполненіе этого предположенія, то я тотчасъ же, какъ это будетъ угодно вамъ приказать, готовъ означить цѣнность, количество и качество инструментовъ и другихъ необходимыхъ къ тому пособій.

«Да будетъ мнѣ позволено теперь высказать мое мнѣніе на счетъ геодезистовъ, занимавшихся до сихъ поръ составленіемъ частныхъ картъ и другихъ географическихъ записокъ, на основаніи коихъ должна быть составлена генеральная карта. Эти геодезисты были достаточно научены математическимъ началамъ, преподаваемымъ въ морской академіи. Иные изъ нихъ воспользовались ими лучше, чѣмъ другіе, и, по выходѣ изъ академіи, исполняли порученныя имъ работы такъ, какъ могли,

безъ всякаго надзора директора, который былъ бы въ состояніи преподать недостававшія имъ свѣдѣнія въ практикѣ и снабдить ихъ инструментами, наиболѣе удобными для этой работы. Отъ этого произошло, что есть много плохихъ частныхъ картъ, и ихъ невозможно соединить вмѣстѣ для составленія генеральной карты. Покойный Кириловъ, предпринимавшій изданіе атласа Россіи, не былъ въ состояніи преподать геодезистамъ свѣдѣній, которыхъ у него не доставало, и не заботился о доставленіи инструментовъ, нужныхъ для лучшаго выполненія работъ. Г. Татищевъ, принявшій въ свое завѣдываніе геодезистовъ послѣ Кирилова, былъ въ состояніи снабдить ихъ лучшими инструкціями только при помощи академіи наукъ, но онъ не далъ имъ способовъ выполнить эти инструкціи, такъ что они безполезно теряютъ свое время, будучи въ невозможности осуществить то, что требуется отъ нихъ въ данныхъ инструкціяхъ. Въ этомъ я убѣдился по тѣмъ геодезистамъ, которыхъ видѣлъ въ провинціяхъ, куда они были посланы снимать или исправлять карты. Всѣ прочіе геодезисты, вѣроятно, въ подобномъ же положеніи. Я узналъ, что они, получивъ приказаніе состоять въ зависимости г. Урусова, подобно тому, какъ это было передъ тѣмъ у г. Татищева, ходатайствовали передъ сенатомъ дозволить имъ составить особое учрежденіе, въ чемъ они нашли поддержку и въ г. Урусовѣ, также просившемъ объ увольненіи его отъ начальствованія геодезистами, потому что онъ ничего не понимаетъ въ географіи и, кромѣ того, имѣетъ довольно другихъ занятій.

Эти причины и потребность для геодезистовъ въ обученіи практическимъ пріемамъ географіи и астрономіи, въ обученіи, лучшемъ, чѣмъ какое получали они до сихъ поръ, а также въ инструментахъ лучшихъ, чѣмъ тѣ, какіе они имѣли прежде, побуждаютъ меня принять на себя смѣлость представить вашимъ превосходительствамъ, что не возможно будетъ привести въ хорошее состояніе русскую географію, ни извлечь пользы изъ того, что было сдѣлано до сихъ поръ, пока полное завѣдываніе этими работами, съ надлежащею властью, не будетъ ввѣрено лицу, способному и облеченному отъ его величества въ званіе перваго географа и космографа его имперіи, и пока не

пріобрѣтутся инструменты не только для будущихъ путешествій, но и для императорской обсерваторіи въ Петербургѣ. Послѣдніе инструменты необходимы при измѣреніи земли въ Россіи, о чемъ изложено мною выше.

Такъ какъ мною уже испытаны хорошія наклонности, послушливость и способности четырехъ учениковъ математики изъ морской академіи, которыхъ, по приказанію вашихъ превосходительствъ, я обучалъ въ продолженіи моего путешествія, то я ходатайствую объ оставленіи ихъ при мнѣ для продолженія упражненій въ астрономическихъ наблюденіяхъ и во всемъ, что касается географіи, и объ избраніи шести другихъ учениковъ изъ морской академіи также для обученія у меня, на тотъ конецъ, чтобы сдѣлать ихъ способными къ службѣ по ихъ достоинствамъ и къ отправленію туда, гдѣ они понадобятся, когда получатся изъ Англіи и Франціи необходимые инструменты.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ я прошу также ваши превосходительства: 1) о дозволеніи Товію Кёнигсфельду, который находился при обученіи математическихъ учениковъ въ путешествіи, остаться въ этой же должности и по этому уваженію дать ему званіе адъюнкта астрономіи въ академіи наукъ, съ жалованьемъ и другими преимуществами, присвоенными для лицъ, полезныхъ академіи; 2) также оставить при мнѣ, для пользы географіи, приданнаго мнѣ въ качествѣ переводчика въ путешествіи, Михаила Грёнинга, съ тѣмъ, чтобы онъ исполнялъ ту же должность, получая по прежнему жалованье изъ академіи.

«Наконецъ, такъ какъ къ генеральной картѣ русской имперіи, которую я намѣренъ скоро окончить, должно быть присоединено географическое описаніе, содержащее въ себѣ раздѣленіе имперіи и пр., то осмѣливаюсь еще ходатайствовать о дозволеніи профессору академіи Николаю Винцгейму, много уже трудившемуся надъ русскою географіею, также и по астрономіи, помогать мнѣ въ этихъ описаніяхъ и другихъ географическихъ работахъ, и во уваженіе этихъ трудовъ увеличить его жалованье двухъ стами рублями подобно тому, какъ это сдѣлано другимъ профессорамъ, не столько работавшимъ, и не такъ давно состоящимъ, какъ онъ, въ академіи»....

Это представленіе академика Делиля тѣмъ любопытно, что вкратцѣ даетъ понятіе о работахъ и намѣреніяхъ его создать на научныхъ началахъ русскую географію. Отвѣтъ на вопросъ: какъ были исполнены предначертанія нашего астронома, не входитъ въ предѣлы настоящей статьи; онъ найдетъ себѣ мѣсто въ исторіи нашей академіи.

Въ заключеніе настоящей статьи слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о приложенныхъ къ ней рисункахъ. Уже въ началѣ ея, на стр. 6, было замѣчено, что въ рукописи, принадлежащей нынѣ Географическому Обществу, находятся современные рисунки, дѣланные Кёнигсфельдомъ во время путешествія и что въ Histoire général des voyages они внесены въ искаженномъ видѣ. Между тѣмъ нѣкоторые изъ нихъ могутъ пригодиться изслѣдователю, который будетъ имѣть случай быть въ Березовѣ, для окончательнаго рѣшенія вопроса о мѣстѣ погребенія князя Меншикова, а потому для этой именно цѣли сняты здѣсь точные снимки, какъ съ изображеній, такъ и съ надписей слѣдующихъ рисунковъ Кёнигсфельда: 1) подъ буквою A— видъ между церковью Меншикова и соборомъ въ Березовѣ, срисованный на рѣкѣ Сосвѣ. Здѣсь, между прочимъ, на мѣстѣ подъ буквою K показанъ похороненнымъ какой-то святой. Въ объясненіяхъ разстояній упоминается о литерахъ *c* и D, но ихъ не выставлено и въ подлинномъ рисункѣ. 2) Подъ буквою B— видъ обсерваторіи, въ которой производилъ наблюденія Делиль, и Спасской церкви въ Березовѣ. Первая подъ буквами: l, o, g, f, f, f, f, h. Около церкви подъ литерою h мѣсто, гдѣ погребенъ князь (Алексѣй?) Долгоруковъ. 3) Подъ буквою C—видъ Березовскаго острога, въ которомъ содержалось семейство князей Долгоруковыхъ. Здѣсь подъ буквою A мѣсто, гдѣ къ Югу должна быть церковь кн. Меншикова, *a*—караульня, AE—тюрьма князя, B—тюрьма княгини и S—старый соборъ.

A.

Vüë entre l'Eglise de Menschikoff et la Cathédrale, dessinée de dessus la riviére Soswa.

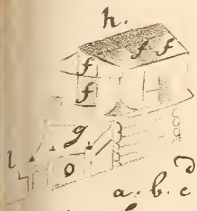
NB.
tous les a, sont plus près que b. c, est un peu derriére. f, est entre b. u. c, en largeur des deux côtés comme la porte-f.
K est rond et séparé du tour.
B. ce sont des arbres plus éloignés. D. L est plus près que K où est enterré un Saint.

Distances
K.
d.
a.
l.
i
n.n.
o.
b. c.
NB. b doit être 1½ fois plus grand que a.

Lith. N. Drocur

B.

Vûë de l'observatoire et de l'Eglise Spaskaïa à Beresow à la distance de 80 pas, vers ~~le Sud~~ l'Est.

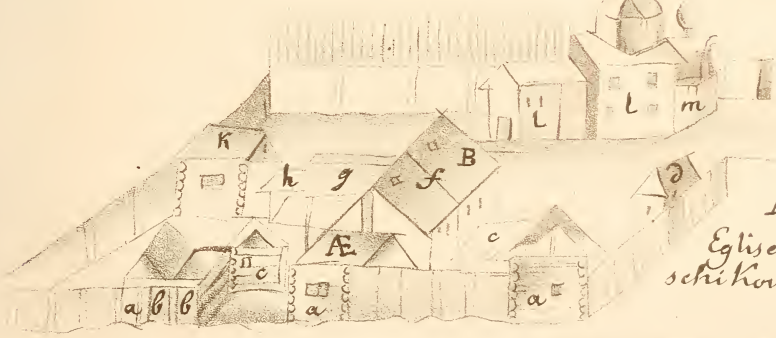


distances
a. b. c. d. f. g. h.
notre observatoire garni de tour
côté de petites lucarnes, et les places
noires, marquent les fenetres ouvertes,
f sont aussi des fenetres qu'on pouvoit
ouvrir, l. est les lieux communs. O est
une pallisade de planches de trois pas
de la rageur.

Distances
a a a la première
b. c. d. f. (h) en droit
où le prince d'Igoroucki
a été enterré.

S

C.



Eglise de Menschikow.

N

distances.
a. b. c. d. e. f. g. h. K.
l. m.
a. guerritte.
Æ prison du Prince
B prison de la Princesse.
S. ancienne Cathedrale
N Maison de ville.
} vûë de l'Ostrog

A. l'Eglise de Menschika qui se trouve dans cette espace, doit être représentée vers le Sud.

le tour a été dessiné d'une hauteur de 60 pieds et à la distance de 400 doubles pas Géometriques en de-la du fleuve en tirant vers le Sud

Litt. N. Broese

18 Ap '09

LIBRARY OF CONGRESS
0 028 133 029 9